Цена 3 фр. № 6 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 6:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 6 Май 1936 г.

П. МИЛЮКОВ

Антиномии оборончества

Тема об «оборончестве» приняла в последнее время особенно актуальный характер, прежде всего, конечно, потому, что угроза европейской войны, в которую неизбежно включается наша родина, стала, после новых захватных шагов Гитлера, особенно ощутительной. Но на этой общей психологической почве появились среди русской эмиграции новые настроения, которые заслуживают особенного обсуждения этой, по существу далеко не новой темы. В настоящем номере «Н. С.» оборонческому вопросу посвящены две статьи; эта будет уже третьей. В центре обсуждения стоит попытка вновь появившейся, смешанной по составу группы, «организовать движение» в его новом фазисе. Было уже отмечено, что «движение», как таковое, вообще не поддается организации, а организация не может основываться на одном психологическом порыве, какого бы он ни заслуживал сочувствия сам по себе. На это «инициаторы» новой попытки отвечают заявлением, что их задача — временная и что их цель — перейти немедленно от разговоров к действиям. Ответ этот вызвал естественное возражение, что намечаемые действия слишком проблематичны и совершенно непосильны для данной организации, а ее «действенность» заподозрена в чересчур большой близости к внушениям, исходящим из полпредства. Картина первых шагов не состоявшейся еще организации, в самом деле, производит странное впечатление. Ее предполагаемая **база** строится в гуще той эмигрантской «массы», для которой переход к «оборончеству» является первым шагом к искреннему отходу от старо - эмигрантских настроений. Этот новый откол, несомненно, является, хотя и запоздалым, но тем не менее, весьма знаменательным и отрадным симптомом. Но **вершина** «движения» представляет пеструю смесь «изгоев» самых различных политических течений эмиграции; общей чертой, их связавшей, является, как кажется, то метание из одной крайности в другую, которое очень характерно запечатлено в названии «национал - максимализма», принятом одною из об'единившихся фракций, наименее связанных каким - либо «коллективом» и наиболее способной к «персональным» выступлениям. Естественно, что более ответственные политические группировки были вынуждены отнестись к данной «инициативе» с чрезвычайной осторожностью.

Судьба этого почина, однако, ни в малейшей степени не устраняет необходимости обсуждения оборонческой проблемы в ее более длительном и более глубоком аспекте. Центром проблемы является, как видно уже из статьи Д. И. Мейснера, то, что автор называет «трагедией» оборончества. Трагедия эта состоит в неизбежном сочетании двух основных положений оборончества, кажущихся безусловно противоречивыми. С одной стороны — это необходимость **без всяких условий** поддерживать существующую в России власть во всем, что содействует усилению обороноспособности нашей родины в грозный момент наступающего международного конфликта. С другой, это — невозможность отказаться от того, что составляет существо и смысл всякой эмиграции: от свободной критики отрицательных сторон режима, неприемлемого в самой основе своей доктрины - отрицаний основных начал здоровой демократии. Ни от одной из этих позиций отказаться нельзя; а сочетание их и вызывает те трудности, которые могут принять по истине трагический характер.

Естественно желание «оборонца» найти способ — примирить это внутреннее противоречие. Так в № 4 «Новой России» Н. Д. Авксентьев, рассказывая, как русская эмиграция в 1914 г. оказалась перед таким-же «безвыходным положением», сообщает нам, как она из него вышла. Ведь обе стороны дилеммы — «организация обороны и процесс внутреннего освобождения», не только не противоречат друг другу, а даже «тесно связаны, взаимно обусловлены». «Только на **реальной** работе по организации обороны демократия и могла **завоевывать** твердые позиции **в борьбе** за внутреннее освобождение». Если нельзя сказать, что такая позиция была добровольным заблуждением, то только потому, что, в сущности, здесь **целью** ставилось именно «освобождение», тогда как «организация обороны» являлась «реальным» **«средством»** для ее достижения. Ст. Иванович в своей старой статье («Записки социал-демократа», № 22, 1934) был более последователен, когда утверждал, что именно в 1914-1919 гг. эта мнимая позиция и сыграла роль подготовки — не

к обороне, а к революции. В этой роли — подготовителя революции — оказался, по утверждению Ст. Ивановича, и пишущий эти строки, заявивший вначале, как напоминает Мейснер в своей статье, что во время войны его партия «не ставит правительству никаких условий», а потом «в своей патриотической работе», — даже в форме наиумереннейшего прогрессивного блока», «расшатавший трон в таких слоях, куда нам, революционерам, не было доступа». «Суб'ективно», резюмирует Ст. Иванович свою мысль, «все оборонческие группы хотели спасти дело обороны», но «об'ективно они содействовали революции». И он считает такую позицию, наравне с позицией Дана, «политической абстракцией». Сам он, однако, впадает в такую-же «абстракцию», ставя «задачей демократических сил страны», когда уже «народное движение» разбужено, стараться по возможности сдерживать разлив анархической стихии, по возможности тормозить разгул максималистских страстей, по возможности **ограничить задачи движения самыми насущными требованиями,** борясь с теми «углублениями», которые роковым образом превращаются в могилу движения». Но ведь всеми этими хорошими вещами занимались как раз мы — и притом раньше, чем народное движение было разбужено. Партия Ст. Ивановича действовала тогда в противоположном направлении. Ст. Иванович, конечно, принужден это признать, и только теперь он просит «помнить громадную ответственность нашего участия в борьбе против диктатуры в эпоху, когда она зашатается под ударами войны». Он однако мрачно заключает: «тут уже никакими силами ничего изменить нельзя».

Актуальный смысл этих исторических напоминаний заключается в том, что мы и сейчас стоим перед такой-же трагедией — и Ст. Иванович уже предупреждает нас против разрешения ее методом Н. Д. Авксентьева. Что же мы предпримем? Тут приходится упомянуть еще о методе, рекомендуемом А. Ф. Керенским. Он обращается к Сталину («к кому же собственно обращаться», отвечает он мне) и «вместе со всем сознательным населением СССР» требует «от диктатуры своевременных уступок, спуска на тормазах». Я уже отвечал на это печатно, что ставить советской власти условия нельзя, ибо за условиями следуют санкции; таковою, при постановке Керенского, является поражение России в случае неисполнения условий. Я обращал притом внимание на то (см. № 5 «Новой России»), что «сознательное население» (в данном случае речь идет о молодежи) «требует» не того, чего требует А. Ф. Керенский, ибо требования Керенского сводятся к программе февральской революции, до которой «молодежь» далеко не дотянула. Да если-бы даже и могло быть выполнено такое интегральное требование, то «не значит-ли это разбудить — преждевременно и искусственно — революционную активность и энергию», т. е. повредить самым прямым образом интересам обороны? как совершенно справедливо спрашивает сам А. Ф. в той же статье своего журнала. На мое замечание, что «требования» Керенского скатывают его позицию в направлении пораженчества, А. Ф. отвечает мне (там же): «Неужели красные маршалы, настаивая на ускоренных внутренних реформах, тоже пораженцы?» и «разве пораженцами были российские сановные патриоты, которые, в предчувствии катастрофы, настаивали перед императором на изменении внутренней политики?» Мне приходится ответить: эти люди, несомненно, следовали тактике прогрессивного блока и советам Ст. Ивановича, стараясь «ограничить задачи движения самыми насущными требованиями». Очевидно, и сам Керенский стоял тогда на той-же точке зрения, поручая Родзянке, как он рассказал в той же статье, передать царю «несколько требований, которые были еще умереннее, чем будущая программа прогрессивного блока». Это очень хорошо, хотя и не совсем отвечает тогдашней открытой позиции Керенского в Гос. Думе; но ведь мы с А. Ф. Керенским, как и «сановные патриоты», были тогда **не в эмиграции,** а на месте борьбы, где тактика могла меняться с каждым днем, с каждым поворотом событий. Теперь, за границей, Керенский или посылает Сталину требования, явно неосуществимые (вся программа демократических свобод) и могущие даже в случае осуществления лишь «преждевременно разбудить революционную активность», или же спешит согласиться на минимальные требования, которые, по его мнению, выставляет советская молодежь. Я опять-таки печатно возражал и против того, и против другого. Нам в эмиграции, доказывал я, нет надобности ни от чего отказываться, и нет возможности сочинять компромиссы в нынешний день.

В своих возражениях новой группе «оборонческого движения» я говорил, развивая ту же мысль, что оборонцу не следует вступать ни на одну из двух наклонных плоскостей: ни на ту, которая заслуживает ему похвалы «Нашего Союза», приводя к безусловному принятию того, что делается в России, — ни на ту, которая заслуживает похвалы «Возрождения», возвращаясь на позицию старой эмигрантской «непримиримости». Я уже слышал упреки мне по этому поводу, формулированные и А. Ф. Керенским в «Новой России». «Автор статьи об оборонческом движении (то - есть я), говорилось там, сурово критикуя чужие позиции, не дает своей». Последние слова даже были напечатаны жирным шрифтом. Я полагал, что моя позиция ясна и что она вовсе не ограничивается отрицанием двух противоположных уклонов. Между уклонами есть ведь некоторый центр, и этот центр вовсе не сводится к точке пересечения этих наклонных плоскостей. Можно признавать положительные достижения октябрьской революции, продолжая «сурово критиковать» ее доктрину и ее насилия над народом. Можно и в этой суровой кри-

тике советской власти помнить об интересах обороны и не заниматься «вредительством» в тех пределах, в которых законы всякой демократической страны охраняют государственные секреты. Разумеется, на окраинах этой центральной позиции границы не так определенны, как в центре; но таково уже свойство всех центральных позиций, занимаемых в практической политике. Они всегда будут подвергаться обстрелу с двух противоположных сторон; но это и является проверкой правильности занятого положения. И самые эти нападения точнее указывают, где линия оборонческого движения кончается и начинаются течения противоположные. С такими течениями полемика бесполезна. Но я смею думать, что предлагаемая мною формула достаточно широка, чтобы вместить течения родственные. Только к ним и относится большая часть полемики, развитой в настоящей статье.

П. Милюков.

Д. МЕЙСНЕР

Антибольшевизм и оборончество

Вновь вышел в эмиграции на первое место вопрос об «оборончестве» и «пораженчестве». Часть оборонцев, исходя из нового обострения международной обстановки, очередного приступа военной опасности, считает своевременным об'единить в «единый фронт» все группировки оборонческого типа, чтобы выявить свое подлинное лицо и снять с немалой части эмиграции одиум пораженчества.

Нужно поэтому еще раз вернуться к теме столь актуальной и попытаться углубить самое понимание оборончества, в сочетании с тем, что составляет идейную и политическую основу РДО — **с последовательным и неустранимым антибольшевизмом.**

Оба решения и пораженческое и оборонческое, если принимать их **честно** и вдумчиво, заключают в себе трагедию.

Трагедия честного пораженца (вульгарных наемников иностранных разведок и генеральных штабов оставляем сейчас в стороне, равно как и легкомысленных раздатчиков «клочков») — очевидна: во имя свержения ненавистной и признаваемой предельно вредной государственной власти им приходится желать для своей родины военного кровопролития и поражения, чтобы ценой его купить падение, всегда лишь предполагаемое, этой власти...

«И Карла ждал нетерпеливо их восторг»...

Отсюда постоянные поиски «Карла» и, в наши дни, формула Обще - Воинского Союза, что все противники большевиков (имеются в виду иностранцы) — «наши союзники».

Трагедия оборонца — в необходимости, перед лицом иностранного нашествия на управляемую преступной властью родину, во имя высших патриотических соображений, сочувствовать этой преступной власти в ее усилияих отстоять границы страны, а также, если оборончество последовательно, в меру сил и об'ективных возможностей содействовать в этих оборонительных усилиях, с одновременным отказом, на время войны, от борьбы с отстаивающей границы властью. «Россия вечна — большевики временны» — слова П. Н. Милюкова.

Вот две позиции, между которыми расположены все промежуточные поиски решения вопроса, могущие, по полной аналогии с терминологией старой социалистической эмиграции, быть об'единены понятием **революционного оборончества,** о котором подробнее ниже.

Русской интеллигенции очень близко знакомы обе стороны этой двуединной трагедии. Вся ее (интеллигенции) история в течение 3-х десятилетий 20-го века связана с проблемой оборончества и пораженчества.

От русско-японской войны до 1914 г. пройден в этом смысле огромный путь. Если в первую войну «пораженчество» было широко распространено в среде не только революционной, но и либеральной и даже умеренно либеральной, то в 1914 году русское общество, за которым, как никак, стоял опыт Государственной Думы и революции 1905 года, тверже научилось делать различие между властью и самой страной. Огромная часть социалистов, уже не говоря о либералах, примкнула тогда к оборончеству или, хотя бы, к революционному оборончеству, отнесясь с презрением и ненавистью к российским пораженцам из лагеря интернационалистов. Характерный пример: — Г. В. Плеханов в 1893 г. на Цюрихском Конгрессе призывал германскую интервенцию в Россию, «чтобы покончить с русским царизмом». Он писал: «Бейте его в голову, нападайте на него всяким оружием, какое только окажется в вашем распоряжении... И если германские армии перейдут наши границы, то они придут к нам, как освободители». Эта до конца пораженческая декларация, как две капли воды схожая с пораженческой публицистикой «Возрождения», также заявляющего в статьях г. Семенова об освобожденческой миссии грядущих с востока или запада интервентов, в 1914 году сменилась у Плеханова, ставшего «идейным вождем всего русского социалистического оборон-

чества» позицией последовательного и горячего патриотизма.

26 июля того же 1914 года состоялось знаменательное заседание Государственной Думы, первое после об'явления войны. Вот развернутая оборонческая формула вождя оппозиции: лидер партии Народной Свободы П. Н. Милюков заявляет: ...«когда настанет время, фракция вновь заговорит о них (речь идет о требованиях «демократизации», заявленных в речах левых депутатов) и вновь будет указывать на единственно возможный путь внутреннего обновления России. Она надеется, что пройдя через тяжкие испытания, нам предстоящие, страна станет ближе к заветной цели. Но в эту минуту всех нас слишком захватили другие вопросы, и иная задача, грозная и величественная, стоит перед нами и повелительно требует немедленного разрешения... В этой борьбе мы все за одно. Мы не ставим никаких условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильников».

В выпущенной тогда же декларации Ц. К. партии подробно аргументируется эта позиция. Итак, безоговорочное участие в обороне страны, **без условий.**

Мы знаем, что за границей позицию безоговорочного оборончества занял, среди многих других эсеров, Б. В. Савинков, прямо об'явивший отказ от всякой борьбы с царской властью; это сделал человек, которому в смысле «стажа» могли бы позавидовать самые взыскательные из сегодняшних активистов.

В том историческом заседании Думы, о котором речь была выше, А. Ф. Керенский говорил от лица т. н. трудовой группы. Оратор «непоколебимо уверен, что великая стихия российской демократии даст решительный отпор нападающему внешнему врагу и защитит народную землю и культуру, созданные потом и кровью поколений». «Мы верим, продолжает Керенский, что на полях бранных великих сражений, укрепится братство всех народов России и родится единая воля — освободить страну от страшных внутренних пут». В заключение депутат Керенский призывал «крестьян и рабочих» собрать все силы и **«защитив страну, освободить ее»...**

Мы помним, что и Керенский в Думе не мог, призывая к обороне, говорить об армии или «власти», в руках которых реально находилось ведение войны, и предпочел ссылаться на «демократию».

Эта позиция **революционного оборончества,** в прошлом свойственная большинству социалистов, а ныне нашедшая обновленную формулировку в устах бывшего вождя белого движения, — в самом деле очень привлекательна. Она дает прекрасный, успокаивающий душу, выход: сохраняется непримиримая борьба с властью и отвергается попустительство иностранным поползновениям. Армия и страна призываются к отчаянному отпору внешнему врагу, но — помимо власти, которую нужно свегнуть. Беда в том, однако, что никакая оборона, в реальности, вне власти, конечно, невозможна, как невозможна одновременная задача для армии: освободиться внутри и отразить во вне... Никто и не знает этого в наши дни лучше... ген. А. И. Деникина, посвятившего недавней роковой трагедии русской армии, раздираемой на две части, незабываемые страницы первого тома «Очерков Русской Смуты».

В момент, когда заговорили пушки — нет места промежуточной позиции революционных оборонцев, она сохраняет тогда значение лишь красивой словесной формулы «для истории», практически же скатывается в сторону пораженчества или оборончества, и опять недавнее прошлое дает тому наглядный и суровый урок. Но, мы сказали, «когда заговорят пушки»... А как быть, пока они молчат?

Для непримиримых врагов власти (в данном контексте мы сознательно исключаем из обсуждения иные мотивы, могущие вести к общему пересмотру отношений к власти), полная «раскрытая» форма оборончества законна лишь в момент действительной войны. Этим сегодняшнее положение существенно отличается от июля 1914 года; при этом мы оставляем в стороне другой болезненный для многих вопрос о том, что большевистская власть вообще «несравнима» с царской и, если можно было в известной обстановке мириться с той властью, то нельзя с этой; для нас в этом случае лишь углубляется трагедия оборончества, но не меняется общий ход рассуждений.

Итак — войны нет. Есть лишь **угроза** войны и усиленная дипломатическая деятельность советской власти, наряду с другими правительствами, для предотвращения войны, а также активная внутренняя военная подготовка, на случай войны. Вот почему, будучи последовательными оборонцами, мы говорим, что признаем сейчас правильными, с точки зрения национальных русских интересов, дипломатические усилия московской власти, поскольку они имеют в виду предупреждение войны и похода на Россию, хотя бы и называемого «крестовым»; правильной же признаем работу над усилением армии, хотя бы называемой красной, и над технической обороноспособностью страны.

В этом власти нельзя мешать.

Но войны нет и никто с точностью не знает, когда она будет и будет ли в ближайшем будущем. А деспотическая анти - народная власть **остается,** как и **остается** задача **борьбы** с ней, в тех формах, которые свойственны группировке, не признающей сейчас целесообразным специфического эмигрантского активизма. В этом утверждении нет противоречия предыдущему тезису, т. к. деятельность власти, сама собой, не покрывается во внешней политике пактами или союзами, направленными к миру (достаточно сказать, что остается еще вся ли-

ния революционизирования «узких мест» Европы и Азии), как, тем более, и внутренняя политика, ни в какой мере не покрывается работой на будущую оборону.

Как видим, для нас оборончество есть прежде всего акт обязательного политического самообуздания и патриотического служения, а отнюдь не выигрышный и ходкий политический лозунг, под прикрытием которого может быть сделана попытка перебросить слишком неверный мост «туда» или, по просту говоря, попытка «прошмыгнуть домой». Этот последний путь оставим другим, некоторые из которых своим участием и присутствием компрометируют эмигрантские оборонческие собрания, так. называемого «единого фронта» оборонцев, который без присутствия этих господ много выиграет и в своей идейной ценности и в своем идейном влиянии на эмиграцию.

На пути к об'единению оборонцев, если бы таковое действительно было проводимо в жизнь, помимо этого момента, к которому отношение у всех идейных оборонцев было бы, вероятно, единодушным, могут встать другие еще препятствия, более глубокого свойства: если для нас оборончество есть вопрос **национальной совести**, то за пределами этого понятия лежит, например, аргументация оборонцев с-д-меньшевиков толка Дана. Их оборончество совсем иного происхождения. Категория отечества и родины в их аргументации отсутствует полностью. Вот их ход рассуждений: 1) В странах фашистских и полуфашистских рекомендуется **пораженчество**, т. к. тут основная задача в свержении режима и захвате власти; 2) В странах коалиции, враждебной фашизму рекомендуется **оборончество**, но и здесь основная цель все та же: захват власти пролетариатом.

Не будем голословны и не поскупимся на обширную цитату из «Социалистического Вестника»: «Политика должна определяться стремлением, — и в самом ходе войны и на почве разрешения выдвигаемых ею конкретных задач, к завоеванию власти пролетариатом. Они (задачи) должны будут определяться стремлением в самом ходе войны внушать широчайшим трудящимся массам убеждение, что лишь переход власти, а вместе с ней и руководства войной в руки пролетариата, сможет лишить войну каких либо империалистических целей, превратить ее из войны одних стран против других, в войну об'единенных трудящихся масс за низвержение их общего врага — мирового фашизма и привести к скорейшему завершению ее торжеством социализма, единственно способного разрешить непосильную для капитализма задачу восстановления, расширения и организации мирового хозяйства на началах обеспечивающих интересы всех народов...

3) Самое пикантное, однако, это условие, которое ставится этого вида меньшевиками Советскому союзу (России в их терминологии нет!). «Делая защиту Сов. Союза одним из главных устоев своей борьбы за власть рабочего класса и за мир, международный социализм должен будет требовать, чтобы Сов. Союз, и в борьбе за мир, и в ходе возможной войны, был действительно способен играть роль опоры международного революционно - пролетарского движения; чтобы его участие в войне имело действительно пролетарско - революционный, а не национал - шовинистический характер; чтобы в рамках коалиции, в составе которой ему быть может придется вести войны, Сов. Союз не был ни оружием, ни соучастником тех империалистических целей, которые будут ставить его капиталистические союзники, а знаменосцем и собирателем сил международного пролетариата; чтобы политика самого сов. правительства не рождала контр-революционной опасности, особенно грозной в обстановке войны».

Вряд ли три цитированных тезиса, которым вправе позавидовать любая левая оппозиция, нуждаются в долгих комментариях. Мы привели этот пример лишь для того, чтобы сказать, что лозунг оборончества, при всей его актуальности, не только не устраняет иногда непримиримых противоречий в программных положениях отдельных групп оборонческой эмиграции, но что сама **природа оборончества** оказывается иногда совершенно различной, и исходящей из диаметрально противоположных оснований.

Мы указывали на наше понимание оборонческой позиции антибольшевистского республиканско-демократического течения эмиграции, взявшего на себя, в лице П. Н. Милюкова, почин в деле, по началу крайне одиозном и неблагодарном, перевода эмиграции с позиций огульного отрицания всех действий большевистской власти на позицию признания того, что интересы родины выше интересов борьбы во всем и во что бы то ни стало. Нельзя из ванны вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Эту линию республиканцам - демократам придется продолжать, и может быть, развивать, по мере наростания событий.

Ненависть к деспотической власти естественна и законна; но любовь к родине должна быть сильнее ненависти; и если самая ненависть вызвана любовью, то там, где они входят в противоречие, **сознательной любви** должно быть оказано предпочтение перед ненавистью, становящейся с этой, и лишь с этой, минуты — слепой.

Д. Мейснер.

А. АЛЕКСАНДРОВ

„Оборонческое движение"

Над Россией сгустились тучи. Опасность войны принимает все более ясные очертания. «Символическое» занятие демилитаризованной зоны и одностороннее грубое нарушение Локарнского договора свидетельствует о том, что нынешний властитель Германии идет по пути, намеченному им в книге «Моя борьба». Гитлер будет добиваться «свободы рук» на Востоке и, чтобы обеспечить ее, постарается «линии Мажино» противопоставить свою собственную линию укреплений на Рейне.

Японские военные круги недовольны медленным темпом осуществления колонизационой программы Танаки. Недавнее пронунциаменто в Токио, имевшее задачей активизировать внешнюю политику, при видимой неудаче, фактически полностью достигло своей цели. Сейчас международная политика будет диктоваться ген. Араки и его единомышленниками. На границе Внешней Монголии уже идет так называемая малая война.

Призрак войны становится вполне ощутимой реальностью. Неудивительно, что перед эмиграцией во всей остроте встал вопрос, с кем должны быть ее симпатии, каково должно быть ее поведение.

Возникшая недавно в Париже инициативная группа «оборонческого движения» ставит своей целью вызвать в широких кругах эмиграции волну оборонческих настроений, придать им организованную форму. «Пришел момент», — читаем мы в предварительном проекте платформы, которая должна об'единить оборонческие элементы, — когда сторонники оборонческой идеи должны перейти к организационным действиям и образовать некое организованное целое». «Обязанность непораженческой эмиграции — самым решительным образом отгородиться от человеконенавистничества вообще и предательских по отношению к России тенденций эмигрантских реакционных кругов».

Инициаторы движения главной своей задачей считают вовлечение широких беспартийных кругов эмиграции, которые до последнего времени находились вне существующих политических организаций. Однако же, одного тактического признака, по мнению инициаторов, недостаточно. Движение, рассчитанное даже на ограниченный круг действий, нуждается в некотором более солидном фундаменте, чем одни патриотические и оборонческие настроения.

Отсюда — внесение дополнительного политического момента: в движение могут войти лица, отказавшиеся от политической и социальной реставрации, ибо эта как раз идеология политической и социальной реставрации и питает пораженчество эмигрантов, которые в иностранном походе и разгроме России видят **единственную** возможность осуществления своего мертвого идеала.

Это отмежевание справа в тексте проекта проведено решительно и **принципиально.** За рамками движения, таким образом, должны остаться, напр., младороссы, в последнее время отстаивающие оборонческие позиции (было время, когда г. Казем-бек летал на аэроплане в Берлин и договаривался с г.г. Вонсяцким и Аваловым — об этом эпизоде нельзя забывать).

Слева отметаются лица, подавшие завления о восстановлении их в советском гражданстве, т. е. так называемые возвращенцы.

Но если в отграничении себя справа авторы проекта стали на **принципиальную** политическую почву, то размежевание слева построено на хрупком и чисто **прикладном** основании: вышедшие из рядов возвращенцы «могут иными способами принять участие в защите своей родины». Логически рассуждая, возвращенец, которому будет отказано в визе на в'езд в СССР и кто тем самым будет лишен возможности «иными способами» вложиться в дело защиты Родины, сможет... войти в оборонческое движение, чтобы принять посильное участие единственно доступным способом.

Мы считаем такую постановку вопроса неправильной ,не достаточно глубоко продуманной и политически несостоятельной.

В другом месте обращения сказано, что движение мыслится, как **чисто-эмигрантское.** Это положение следовало развить в смысле принципиального недопущения лиц, ставших на советскую платформу.

Уточнив и утвердив эмигрантскую, т. е. антибольшевистскую, позицию участников движения, авторы проекта внесли бы необходимую ясность и отчетливость; без этих условий ожидаемого резонанса от «широких кругов» может и не последовать.

Первые шаги деятельности, выразившиеся в устройстве публичного диспута, растянувшегося на несколько вечеров, на тему «Нужно ли оборонческое движение в эмиграции» и обнаружили слабую защищенность левого фланга создаваемого фронта обороны.

Г.г. возвращенцы обильно наполняли зал собраний, неоднократно поднимались на эстраду и своими бестактными выступлениями сделали все возможное, чтобы наложить свой отпечаток на эмигрантское предприятие. Организованность их участия бросалась в глаза. К этому нужно прибавить, что передовая мартовского номера «Нашего Союза» — органа возвращенцев, полна комплиментов «оборонческому движению» (а в этой статье неуклюже доказывается, что защита Родины — это лишь пер-

вый робкий этап, за которым последует «защита СССР», как коммунистического отечества).

Столь же характерна специальная статья, посвященная «оборонческому движению», в последнем апрельском номере.

Но на каком **организационном** принципе зиждется «оборонческое движение»? Является ли оно **об'единением лиц, представляющих лишь самих себя, или тут попытка создать федерацию, блок существующих политических течений.**

Судя по заданию втянуть «сырую массу» неорганизованной эмиграции, нужно признать, что в основу положен **персональный** принцип.

В таком случае существующим политическим организациям, в том числе и РДО, не приходится сейчас определять своего точного отношения к этому почину. Очевидно, нужно выждать, пока из состояния «первозданного хаоса» вызываемые силы оформятся, приобретут конкретные черты живого лика.

Нельзя ,однако же, уже сейчас не заметить, насколько трудно осуществима поставленная инициаторами задача.

Внепартийную массу стремятся увлечь за собой определенно **партийные** люди. Вряд ли лица, по разным основаниям, стоявшие вдали от политических группировок, преодолеют свое отталкивание от «политиков» и политических организаций. А ведь удержаться на одном оборонческом тезисе не удалось: и предварительный проект содержит политические моменты, и речи на диспуте ответственных организаторов были выдержаны в духе политического мировоззрения выступавших ораторов (национал-максимализм у одних, «трудовая» демократия («трудократия?») у других) .

По существу излишне повторять, что РДО давно, с самого начала своей деятельности, стояло на определенно оборонческой позиции. Ее принципиальному обоснованию посвящены были тактические тезисы 1926 года. К этому времени относится нашумевшая фраза П. Н. Милюкова о комсомольском патриотизме, которая до сих пор приводит в состояние исступления и невменяемости «возрожденского» публициста г. Тимашева (см. его фельетон от 22 марта с. г.). В систематическом ряде публичных докладов РДО свою принципиальную установку — «Россия вечна, а власть временна» применяло к анализу очередных политических явлений.

Нужно признать, что культивирование этих настроений, действительно, является сейчас актуальным вопросом дня. Пораженческая позиция части эмиграции вызывает здоровую реакцию подавляющего большинства эмигрантов. Люди, примыкающие к разным политическим лагерям и, иной раз, очень далеко отстоящие от левого сектора эмиграции, искренне возмущаются деланно наивной позицией «Возрождения», приветствующего германские претензии на русскую территорию, как «проявление здорового национализма». Без чувства глубокого негодования даже неискушенный в политике русский человек не сможет прочитать следующие изумительные строки в отчете о деятельности РНО за 1935 год.

«Под знаком значительных международных событий, вызывающих **великую надежду** (подчеркнуто мною **А. А.**), начинается 1936 г.» и далее... «лозунгами РНО будет, как и прежде, единый национальный фронт, национальная бодрость и **возможное национальное действие»** (подчеркнуто мною **А. А.**). Не трудно догадаться, о каком «действии» мечтают мумии из РНО, уже предвкушающие «хотя бы частичное признание старых прав и предоставление долей в смешанных предприятиях виднейшим деятелям национальной революции (т. Гукасовым?) и их помощникам». Автор этих бесстыдных слов, честно выполняющий социальный заказ, г. Тимашев для подкрепления своей мысли приводит историческую справку: — «в свое время Екатерина Великая и другие русские государи верстали своих усерднейших слуг поместьями: отчего бы новой национальной власти не попытаться, хотя бы в такой форме, ускорить возрождение класса энергичных хозяев».

Читатель не посетует на нас за приведенные цитаты, которые с предельной ясностью и с исключительным цинизмом вскрывают подлинные стимулы «активизма» деятелей так называемой «национальной революции», возлагающих «великую надежду» на разгром России.

Такова неприглядная физиономия эмигрантского пораженческого «национализма».

Неудивительно, что в разных местах русского рассеяния самопроизвольно устраиваются собрания русских эмигрантов, громко утверждающих свою патриотическую верность родине.

Недавно мы узнали о подобных собраниях в Ницце, в Канн-ла Бокка, в Марсели, в Лионе и т. д.

Инициаторы «оборонческого движения» правильно нащупали нерв переживаемого политического момента, и в этом их немалая заслуга.

Но мы считаем нужным отметить опасности, лежащие на пути развития «движения», и те внутренние неразрешимые противоречия, которые неизбежно приведут все предприятие в тупик.

Независимо от нашего сдержанного, по вышеприведенным мотивам, отношения к данной организационной попытке, мы не можем не считать желательной самую широкую и интенсивную пропаганду оборонческих и патриотических настроений среди русской эмиграции, ибо мы сами всегда вели и последовательно ведем в этом направлении нашу собственную работу.

Александр Александров.

ЕК. КУСКОВА

О левом секторе эмиграции

I.

В № 5 «Нашего Слова» помещены две статьи, заслуживающие самого широкого обсуждения их демократическими и социалистическими кругами русской эмиграции: статья Е. Новохатного — «Политическое об'единение эмиграции» и ответ на нее П. Н. Милюкова — «Социализм и несоциалистическая демократия».

Обе статьи признают, что «обывательская мечта» об об'единении **всей** эмиграции убита опытом прожитых лет; правый сектор эмиграции — неизмеримо более многочисленный — давно уже раскрыл свою идеологию, одинаково враждующую не с большевизмом только, но и со всеми оттенками демократии. Если бы г.г. правые имели силу, они с наслаждением раздавили бы всех этих «виновников революции», погубивших Россию. Так, представитель Имперского союза Гардский призывает своих последователей на доклады А. Ф. Керенского не ходить. «А вот на его похоронах, я надеюсь, будет представлена вся русская национальная эмиграция». Тактика типичная для большевиков правых и левых: не договориться, а угробить, похоронить, стереть с лица земли своего противника... Эти повадки, унаследованные от самых худших элементов старого режима, учтены демократами не только в эмиграции, но и антагонистами большевиков в России: и там боятся повторения сказки про белого бычка: революция, реставрация, снова революция и снова реставрация, — без всяких синтезов и равнодействующих...

Остается, следовательно, вопрос об об'единении социалистов и несоциалистической демократии. Е. Новохатный думает, что такое об'единение не только возможно, но и диктуется повелительно всей новизной после - военной обстановки: теперь, после всего пережитого, да еще в условиях эмигрантства, говорит он, едва ли могут быть оправданы междупартийные разногласия этих двух направлений. И он призывает к пересмотру взаимоотношений и к сближению тактических линий их политики.

П. Н. Милюков не возражает против принципа таких соглашений. Он даже указывает, что такая «коалиция» — в пределах февральской революции — давно существует и что «никаких препятствий для этого об'единения в левом крыле нет».

Казалось бы — мир и любовь... Один автор настойчиво желает об'единения, дугой отвечает ему: да ведь оно уже существует.

Из дальнейших раз'яснений П. Н. Милюкова оказывается, однако, что для прочности и эффективности подобной коалиции нужно разрешить ряд предварительных вопросов. От прошлого у П. Н. Милюкова остались горестные воспоминания. Если бельгийские и скандинавские социалисты давно участвуют в политической жизни своих стран, привыкли к тактическим коалициям, то даже в Англии — стране классического парламентаризма, — не все течения социализма способны встать на государственную точку зрения. Во Франции дело обстоит еще хуже, а в русском социализме «революционные привычки» с давних пор мешали его борьбе в «рамках конституционной легальности». Это — горькие воспоминания... А еще остается «неизвестность будущего». Как поведут себя социалисты в этом будущем.

Итак будущее — неизвестно, а прошлое заставляет автора быть настороженным: «русскому радикализму прежде всего следует оставаться самим собой, памятуя, что уроки прошлого он может скорее давать своим социалистическим партнерам, нежели получать от них».

В этих последних словах П. Н. Милюкова мне почудилось не столько идейное, сколько психологическое отталкивание от соседа по фронту демократии. Нельзя отрицать, что в прошлом это отталкивание имело законное основание не только для радикальных демократов: не все социалисты могли терпеливо переносить догматизм, демагогию и безответственность своих крайних крыльев. И тем не менее — в новые времена — это отталкивание не должно мешать, а тем более парализовать попытки об'единения. По совершенно простой причине: **демократию можно построить лишь на коалиции демократических и социалистических партий.** И в этом отношении будущее не так уже «неизвестно». Оно известно, конечно, не в своих конкретных формах, а в своем новом существе, — в появлении новых факторов истории, которые его, это будущее, в значительной степени предопределяют. В этой краткой статье я могу лишь указать на эти новые факторы, не разбирая подробно их значения и силы влияния на ход государственной жизни, но было бы в высшей степени желательно, чтобы эти вопросы подверглись серьезному обсуждению в наших клубах и об'единениях.

Что же произошло в эти новые, после-военные времена. Прежде всего должно быть отмечено **вторжение масс,** появление на всех аренах жизни так называемого «массового человека». Этот массовый человек совсем не отличается той классовой психологией, которая была свойственна когда то появившемуся на арене истори пролетариату. Нет у него и такого отточенного идеала «социалистического переустройства общества», которым щеголяли вожди пролетариата. Массовый человек подвижен в идеологии и легко качается — от коммунизма к фашизму: смотря по тому, кто в данный момент имеет больше шансов удовлетворить его «законные» требования. А требования его — порыви-

сты и настойчивы. Он защищал свои отечества и вовсе не желает, чтобы «добычу войны» делили лишь избранные. Для государства этот массовый человек в высшей степени опасен: он не привык ни к какой политической культуре, ни к каким «бюджетным» расчетам: государство **есть** и оно обязано удовлетворить его нужды. Пролетариат когда то был весьма терпелив и долго довольствовался небольшим повышением заработной платы и «идеалом социализма». Массовый человек желает получить свою долю сейчас, не дожидаясь «социализма». Если какой нибудь фюрер уничтожит все духовные свободы, все политические атрибуты демократии, но пообещает «массовому человеку» материальное благополучие и назовет этот духовно - кастрированный строй социализмом, массовый человек не будет спорить о названии и не будет тосковать о свободах: вкуса к ним и к идеологиям у него нет... Но он все же любит всякие «свободные трибуны», с которых он может выкрикивать слова и угрозы — на улицу...

Откуда взялся этот всесословный, вне-классовый человек. Из всех сословий и из всех классов. После - военное разорение коснулось всех классов и деклассировало миллионы людей, выбросив их из прежних прочно свитых гнезд. У них ничего «защитного» не осталось и потому они требуют защиты государства ,не зная ни его конструкции, ни его возможностей...

Таково положение, чреватое великими последствиями. Старые партии, привыкшие к медленному, постепенному культивированию своих адептов, стоят в растерянности перед новыми пришельцами, готовыми разрушить не только «демократии», но и самые государства. Именно этот «массовый» человек организует те «новые и новые политические группировки, замкнутые в узком кругу и враждебные всем остальным», о которых говорит Е. Новохатный. Он говорит, далее, что все эти группировки отличаются «малым кругозором и довольно сумбурной идеологией». Откуда же взяться широкому кругозору у людей, еще вчера ни в какой «общественности» не бывших. Сегодня они творят свои «сумбурные идеологии», чтобы завтра же их бросить и перейти к другим.

Перед лицом этого нового пришельца, который, однако, **уже никогда больше не сойдет со сцены, ибо это и есть сам народ, приведенный великой войной в хаотическое движение,** — должны перестроиться — в идеологии и тактике — и демократы и социалисты. «Шелеста бюллетеней» новый человек сейчас не поймет и не оценит. Он постоянно готов прибегнуть в «оказательству», к силе. Очевидно, к силе придется прибегать и уцелевшим демократиям. Член чехословацкой народно - социалистической партии, сенатор Клофач, давший резкую критику тактики социалистов, стоящих на узкоклассовой точке зрения и все еще не вышедших из состояния политического младенчества, очень хорошо понимает новое положение вещей и определяет его так: «Во всех случаях я придаю значение парламентской демократии. Но при этом я отнюдь не скрываю от себя недостатков демократии и нынешней парламентской системы. Везде, где демократия и социализм потерпели поражение, благодаря своей нерешительности и неспособности к твердому действию, они надолго утратили свои позиции. Классическим примером являются Италия и Германия. Не только у консерватизма и у буржуазии, но и у социализма имеются свои филистеры. Если мы искренние демократы, мы не должны закрывать глаз на то, что в нашей демократии **кое-что устарело,** обратилось в превзойденную жизнью догму. Поскольку мы можем жить только в республике, — демократия и социализм не должны бояться критики, всегда толкающей нас на путь реформ. Было бы неправильно обращать республику в кролика для производства опытов... Следует не бояться реформ, если старое приносит вред нации и народу».

Каких же реформ требует Клофач и что считает устарелым? Он требует прежде всего «сильной власти» — этого всегда боялась демократия и в особенности социалисты. **«Демагогия (фашизма) может убить негодную или трусливую демократию, и никогда не посягнет на сильную демократию с определенной целью и с твердой рукой.** В чрезвычайные времена демократия должна располагать и чрезвычайными средствами, если она не хочет стать бедствием для народа и государства». Клофач — против дробления партий, за прочные коалиции и за реформу парламента. Эта реформа должна состоять в устранении партийной игры и в привлечении в правительство и к работам парламента людей, специально работавших в тех областях государственной жизни, которыми им надлежит ведать. И кроме того он требует **«скорого осуществления тех задач, о которых партии договорятся в интересах народа».**

«Массовый человек стучится во все двери, ищет «фюреров», — чтобы они удовлетворили его потребности. И если демократия и социалисты будут упорны в старых схемах, в старых представлениях о работе нового государства, — гибель их неминуема». «Демократя и социализм, продолжает сенатор - социалист, не в праве отступать ни перед какими реформами управления, ни перед строжайшим контролем демократического правительства и всего народного хозяйства, раз это является требованием времени . . . **Раз уже существуют партии, пусть в них говорит прежде всего дух республики и нации, пусть они станут орудием нации и государства.** Но сегодняшние партии разлагают нацию и парализуют действия правительства». Парализуют нацию своими несогласиями, неспособностью к быстрым тактическим действиям, которые необходимы перед лицом страшных проблем, вставших перед каждым государством по-

сле войны и, быть может, перед новыми войнами»...

Таков приговор современной демократии, вышедшей из уст чешского социалиста... И маленькая страна стремится всеми силами выполнить совет старого сенатора... Ее коалиция не боится «твердой власти», а ее партии стремятся захватить массового человека щупальцами бесчисленных кооперативных, культурных, спортивных и сокольских организаций. Только в этом обхвате деклассированного человека рамками коллективного на него воздействия можно спасти не только демократию, но и европейскую культуру.

Множество других совершенно новых проблем стоит перед современными государствами. Плановое хозяйство, борьба за место на мировом рынке, защита страны, — все это повелительно требует от социалистов — отступления от их узко - классового мировоззрения, а от несоциалистической демократии — более глубокого проникновения в тайны социально - экономических проблем. А кроме того перед обоими секторами стоит и еще одна задача: борьба с реставраторами, пытающимися повернуть колесо истории назад — к блаженным временам **безраздельного** господства «избранных» над «темной и покорной массой трудящихся».

П. Н. Милюков прав, указывая, что «тактические соглашения заключаются обыкновенно для близкой и осуществимой практической цели» и что «для такого соглашения в эмиграции нет почвы, как бы близко не сходились программы минимум обоих течений». Но за то именно в эмиграции есть — и всегда была — почва и условия для разработки новых проблем на основании опыта европейских и американских стран. В этом отношении делается очень мало. Совершенно отсутствуют, например, работы о природе фашизма и о причинах крушения демократических режимов*). Мы думаем, что «лаборатории» для изучения этих явлений могли бы быть поставлены совместными усилиями всех секторов демократии и социализма и что на этой почве, быть может, скорее изжилось бы то психологическое отталкивание, которое осталось нам в наследство от недавнего прошлого.

Будем откровенны до конца: насколько обширен и полон «боевой» энергии реставрационно-фашистский фланг современной русской эмиграции, настолько же слаб и расколот лагерь демократический. Эта несоразмерность сил с особой ясностью сказалась в недавней истории выборов Я. Л. Рубинштейна. Бесчисленное множество организаций упражнялось в антисемитских оргиях и в демонстрациях своей злобной ненависти к «демократам» и «социалистам», «засевшим в Женеве» и смеющим «представлять» национальную эмиграцию. А демократы и социалисты лишь отругивались в газете, не сумев сорганизовать прогрессивные круги эмиграции для отпора беснующимся людям... Приходилось слышать, что в профессиональных и благотворительных организациях вовсе не все были согласны с резолюциями главарей. Но не хватало организационного умения выделить этих несогласных и дать им возможность высказать их мнение. Вот был случай для делового об'единения. Появление на арене битвы организованного сектора демократии было тем необходимей, что вся эта вакханалия происходила «в гостях», в чужих странах и давала повод иностранцам к заушению всей эмиграции: «подлинный Кобленц», «реставраторы», «ничему не научились» и т. д. и т. д. Можно было бы перечислить и другие случаи, когда зарубежная демократия — в особенности социалистическая — показала себя неспособной к творческой организационной работе в малых масштабах эмигрантского существования. Все это — подлинные печальные факты, имеющие, конечно, свое об'яснение, но вряд ли оправдание...

Будем надеяться, что призывы Е. Новохатного не останутся лишь литературным упражнением и что демократические «лаборатории» зарубежья усилят свою работу — во имя будущего.

Ек. Кускова.

*) На отсутствие работы по важнейшим вопросам современности жалуются и на той стороне. Так, Радек в № 5 «Большевика» пишет: «Научно не разработаны послевоенная история капиталистических стран, колониальных стран, история СССР... Достаточно указать, что наши историки «даже не попытались дать историю фашизма».

К. АРИСТОВ

Политический камуфляж

Перед нами брошюра Национального Союза Нового Поколения, плод пятилетней работы Союза, и номера газеты «За Россию». Разнородные чувства рождаются при чтении этой литературы. Нужно отметить, что многие положения левой эмиграции стали теперь достоянием и тех политических течений, которые меньше всего можно заподозрить в симпатиях к ней. Но время берет свое. В эмиграции также происходит эволюция. Теперь всем стало ясно, что нельзя идти в Россию со старым арсеналом реставраторских и реституционных идей первых лет эмиграции.

«Мы отрицаем имущественную реставрацию и считаем позором говорить о ней в годы тяжелых испытаний, переживаемых нашей Родиной».

Отрицается представителями Н. С. Н. П. и голый

активизм — «идея борьбы с большевиками во имя одного только свержения большевистской власти». «Борьба не есть цель, а только средство для достижения цели». Правда далее представители Н. С. Н. П. называют себя непредрешенцами, но необходимость все же заставляет их сделать следующий важный шаг вперед: «Там в России о цели говорить невозможно... здесь в Зарубежье **мы пользуемся благами свободы...** и это, прежде всего, обязывает формулировать те цели, за которые ведется борьба».

Далее мы имеем уже совсем неожиданное заявление в устах такой активистской организации, как Н. С. Н. П., а именно: «формулировка целей борьбы **есть главная** работа здесь в Зарубежье, т. к. «к нам неоднократно обращались именно из России **с требованием** взять на себя идеологическую работу, которая там абсолютно невозможна». Поистине многое нужно было пережить, чтобы эти люди наконец поняли, что идеологическая работа не есть только «болтология», как любили выражаться генералы от активизма, и что идейная работа здесь в эмиграции не только возможна, но и необходима.

Теперь они даже говорят о будничном, повседневном активизме и после таких признаний кажется каким то странным пустословием заявление, что главной задачей своей в эмиграции Союз ставит борьбу со всякого рода... представителями эволюционно - пассивистических настроений. Мы уже показали, как иногда теперь близок «активизм» Н. С. Н. П. к «пассивизму» левой эмиграции

Анти-эволюционистские же настроения, по существу, скрывают за собой замаскированное нападение на оборонческие настроения среди эмиграции. Надо сказать, что «националисты» из Нового поколения избегают открыто высказываться по вопросу о необходимости, даже и при существовании коммунистической власти, защиты России от посягательства иностранцев. Они публично не отмежевались от кампании тех русских кругов, которые рассчитывают на иностранные штыки для свержения коммунистической власти и которые готовы даже заплатить за это ценой потери «клочков» русской земли. Где сочувствие Н. С. Н. П. в этом важнейшем для русского политического сознания вопросе, можно только догадываться по некоторым намекам в газете «За Россию», по меньшей мере неуместным в газете с таким названием. Так в № 48 мы читаем: «Ее (идею белой борьбы) предал один из ее вождей, открыто заявивший на собраниях: «ни пяди русской земли» (она еще недостаточно напиталась русской кровью)». Понятно теперь, почему особенное раздражение у представителей Н. С. Н. П. вызывают рассуждения об эволюции именно со стороны оборонцев. Тут они становятся стопроцентными анти-эволюционистами даже «рассудку вопреки и наперекор стихиям» Если наши «националисты» считают крамолой указание на пробуждение в народе национальных чувств, то совершенно непонятно, на что они надеются: ведь, как ни понимать национализм, без патриотизма и без любви к своей родной земле его представить трудно. Сталин неискренен и ведет свою игру? Но ведь важно то, что Сталин вынужден ходом жизни торжественно провозглашать то, за что еще недавно людей сажали в тюрьму. Это казенный патриотизм? Но в той же газете «За Россию» г. Леонтьев говорит: «Во имя тактических соображений вызываются духи чуждого им патриотизма и эти духи мстят за себя, с ними нелегко совладать». Мы добавим, что не совладать с этим нарождающимся духом русского патриотизма и некоторым иностранным «освободителям» России и их русским пособникам.

Противоречия и туман присутствуют в такой же степени, если не в большей, и в идеологических построениях Н. С. Н. П. Этого своего главного долга эмигрантов — дать ясную и честную идеологию — они не выполнили. (Правда они спешат об'явить: «для нас активно работающих в Союзе не нужны **ни раз'яснения, ни толкование нашей идеологии;** для вновь приходящих «мы даем известные руководящие указания»). Мы не состоим в Союзе, а потому, пользуясь благами свободы и выполняя свой эмигрантский долг, подвергнем критическому обзору идеологию Н. С. Н. П.

На трех китах покоится идеологическое здание Союза: идеализм, национализм и активизм (?!) Об активизме мы уже говорили. Перейдем к «чистой идеологии».

Глава об идеализме начинается с горделивого утверждения: «Наш идеализм есть признание существования наряду с материальным и духовного начала и... первенства этого последнего в жизни личности и общества». Если бы дело касалось только личности, можно было бы удивляться только, почему авторы сочли нужным упомянуть об обязательности религиозного мировоззрения в политической организации, не ограничиваясь одним провозглашением свободы совести. Демократические течения, провозглашая свободу совести, более последовательны и предоставляют каждому (как и Фридрих Великий — большой авторитет для Н. С. Н. П.) «спасаться на свой манер».

Но своим утверждением о первенстве духовного (божественного) начала и в жизни общества, они, не говоря об этом прямо, причисляют себя к мировоззренческим (пореволюционным) течениям в политике. Представители этих течений утверждают, что нужно строить политическую организацию государства на основах **определенного религиозного** мировоззрения. На это, очевидно, и намекают авторы брошюры в следующем, невразумительном утверждении: «Этот идеализм... не есть лишь философская теория, ибо (?) идеализмом проникнуто все наше понимание жизни». И так как авторы не говорят подробно и конкретно, как они будут строить государственную организацию на божествен-

ных началах, то это наводит на очень грустные предположения, особенно в свете опытов, происходящих в других странах. Это проникновение политической жизни религиозными началами приводит в худшем случае к подавлению свободы совести и... духовной жизни у отдельных граждан, а в других случаях высокий идеализм неизбежно превращается в бюрократически - пошлую обывательщину. Есть еще опасности, связанные с обязательным насаждением идеализма в жизни, на которые указывают и некоторые представители Н. С. Н. П. Так г. Бердников в одном из номеров «За Россию» пишет: «часто происходит материалистическое обожествление силы и расы... происходит подмена Христа... говорят «Мусолини — наш бог» и т. д.

Но воздадим Божие -- Богу, а кесарево — кесарю и перейдем к рассмотрению идей Н. С. Н. П. общественно - политического порядка. В конце главы об идеализме говорится: наш идеализм реалистичен. Идея, которую Н. С. Н. П. должен воплотить в политической системе, есть идея российского трудового национализма. Каковы же принципы, на которых должно строиться национальное трудовое государство?

Для нас демократов является отрадным тот факт, что наши противники при построении своей политической идеологии не выходят большей частью из круга исповедуемых нами идей.

Никто нам не осмеливается открыто сказать, что наши идеи плохи. Чтобы нанести удар ненавистным либералам - демократам и в то же время придать построению видимость культурно - правовой системы, извращают заимствованные у нас идеи и подвергают их ложному толкованию. Прошло то время, когда Муссолини открыто заявлял: «мир устал от свободы» — теперь он этого не говорит. Не говорят этого и новопоколенцы. Они вынуждены признать, что национальное государство может покоиться только на свободных гражданах, а не на «рабах». В другом месте они заявляют: «мы противники коммунизма и коллективизма, стремящихся поработить личность, создать стандартный тип человека». Мы демократы добавляем: мы противники по той же причине и гитлеризма и фашизма и то, что новопоколенцы умалчивают и об этих тоталитарных системах, создающих свой стандартный тип человека, дает осонование сомневаться в искренности их заявления, так как это умолчание, конечно, сознательное. Недоверие усиливается, когда мы переходим к дальнейшим рассуждениям представителей Н. С. Н. П. о свободе: «свобода для нас не есть некая подобно либералам, самодовлеющая ценность», «либералы верят, что человек по природе своей свободой не злоупотребит». Здесь во имя своей борьбы с либералами, вожди Н. С. Н. П., повидимому, сознательно совершают подлог и смешивают либерализм с анархизмом. Да будет известно рядовым и неискушенным членам Н. С. Н. П., что либералы никогда и не думали отрицать той святой истины, которая содержится в любом учебнике права и которая гордо провозглашается в брошюре Н. С. Н. П. «В жизни мы видим, что свобода одних, часто нарушает свободу других». Все политические мыслители, признающие для людей необходимость государственного общежития мыслят свободу, как право личности на свободу, однако, в границах государственности. Правда, идеологи Н. С. Н. П. добавляют и «во имя национальной государственности». Вот это подчеркивание целевого, идеократического, момента в государственной организации и составляет разницу между авторитарными режимами и демократией, эта разница еще углубляется тем, что границы свободы каждого гражданина и цели, во имя которых эта свобода ограничивается в национальном государстве, определяются, как мы увидим дальше, не народом (т. е. теми, свобода коих ограничивается), а деспотической государственной властью. И нет в этом вопросе большой разницы у разбираемой нами идеологии с коммунизмом, который они не совсем основательно обвиняют в том, что он стал на путь безоговорочной (?!) борьбы с индивидуальной свободой вообще. В коммунистическом государстве свобода также ограничивается во имя **коммунистической** государственности. Любопытно, что идеологи Н. С. Н. П. вводят в свою политическую систему, на подобие революционной законности большевиков, понятие «целесообразной законности». Основной же гарантии гражданских свобод — народовластия, которое отсутствует у большевиков, не найдем и в «национально-трудовом раю» Н. С. Н. П. Его идеологи вопрос об основах государственного устройства обходят следующей туманной фразой: «национально-трудовое государство должно покоиться не на отвлеченном понятии воли народа, а... на учете нужд хозяйственных и трудовых групп». «Не партийные спекулянты будут вести политику, а национальные водители и бесскорыстные слуги», «не всеобщее голосование, а деловое сотрудничество трудовых групп, под верховным водительством национальной государственности». А если мы вспомним, что основной целью Н. С. Н. П. является установление национальной государственной власти в России, то придется признать, что умами новопоколенцев владеет «скромная» мысль, что источник власти российской находится в недрах Н. С. Н. П. Власть эта «должна быть надгрупповой, надпартийной... и должна водительствовать над всеми бытовыми и профессиональными группами». Эта власть осуществляет «живую связь» с населением (верноподанным) через «ответственное» представительство, члены которого ответственны перед группами, территориальными и социально - экономическими организациями, их пославшими. «Это представительство, противопоставленное парламентарному, при котором профессионалы политики никогда (!) не поднимаются до общегосударственных интересов, существует и действует **параллельно и одновременно** с государст-

венным бюрократическим аппаратом. Происходящее отсюда соревнование (!) полезно для обеих сторон». Насколько все это серьезно предоставляем судить читателю. Картина настолько красноречива, что не нуждается в комментариях. И совершенно напрасно руководители Н. С. Н. П. стараются ввести всех в заблуждение, когда заявляют, что «было бы странным заблуждением предположить за нашей формулировкой какие то определенные пожелания (!) относительно образа правления». Мы можем придти на помощь естественной стыдливости Н. С. Н. П. и сказать, что построенная ими политическая система есть авторитарный режим, типа фашизма и гитлеризма. И недаром руководители Союза усиленно рекомендуют рядовым членам в одном из номеров своей газеты тщательное изучение творений« вождей современности» — Гитлера, Муссолини.

Только надо отдать справедливость последним, что они, не в пример нашим русским кандидатам в диктаторы, прямо заявляют, что их режим является одно - партийной государственной системой, а Гитлер даже для поддержки своего авторитета прибегает к «чисто-фальшивому» (уже в настоящем смысле этого слова), к чисто арифметическому подсчету голосов, в котором Н. С. Н. П. упрекает демократию, забывая о живом духе народовластия, — о широком общественном мнении, которое только и возможно в демократии.

Будем надеяться, что так часто вызываемые нашими противниками в борьбе за власть «духи» демократических идей, постоят за себя и все расчеты на новое закрепощение русского народа под очень сомнительным «национальным» соусом будут опрокинуты жизнью. **К. Аристов.**

А. ЛАЗАРЕНКО

Сильная власть в демократии

I.

Свою последнюю предвыборную речь в ноябре 1935 г. Болдвин закончил выражением глубокой веры в демократию и свободу. «Свободный демократический строй, сказал он, может быть не менее волевым, чем какая бы то ни было диктатура».

Но воля государства, выражаемая в решении, приводится в действие властью, которая вручается правительству.

В других выражениях, но ту же, в сущности, мысль высказал в своей блестящей лекции, устроенной несколько месяцев тому назад газетой «Тан» сэр Джон Саймон: «кабинет несет ответственность за направление политики».

Этим авторитетным, казалось бы, утверждениям государственных деятелей самой могущественной державы нашего времени противостоит основанная на кинематографических сменах правительства в некоторых странах, ходячая и среди эмигрантов, к сожалению, ходкая мысль о бессилии демократической государственности организовать сильную власть управления. Здесь, прежде всего, нужно рассеять недоразумение, происходящее из привычки, усвоенной и литературой и положительным законодательством, называть власть правительства исполнительной властью, — недоразумение в том, что в демократическом государстве правительство лишено самых необходимых полномочий для осуществления актов воли. Наоборот, в действительности, правительства государств, независимо от формы их правления, в силу самой природы их функций, обладают вполне достаточными правомочиями. Демократическая государственность этих полномочий, как увидим ниже, не суживает.

II.

Присвоение правительству именования «исполнительная власть» покоилось на представлении, что вся его деятельность сводится к исполнению законов, в которых и определяется все материальное содержание этой деятельности. К последней четверти XIX ст. стало ясной ошибочность такого ограничительного представления. Все усложняющаяся государственная жизнь, необходимость взять на себя осуществление культурных целей, недостижимых усилиями даже общественных соединений, вновь народившийся социальный вопрос, создавший новую для государства задачу социальной политики, — чрезвычайно осложнили государственное управление. Правительство, конечно, должно быть подзаконным. Но это не простое исполнение законов, а нечто более сложное. В пределах предоставленной законом власти правительству дается инициатива на принятие или непринятие, или выбор момента для принятия определенной меры, а инициатива, по существу, содержит оценку обстановки. Правительству, таким образом, вверяется свободное избрание наиболее целесообразного образа действия, очень часто закон дает ему дискреционную власть. Такому характеру деятельности термин «исполнительная власть» совершенно не соответствовал и был заменен другим, более отвечающим новому пониманию задач государственного управления: административная власть (управление, administration Verwaltung). Но и на этом дело не остановилось Вне законодательства, суда и управления оказывается еще сфера проявления государственной воли, которую невозможно возложить ни на одну из этих традиционных властей: созыв, отсрочка сессий и

роспуск палат, заключение и ратификация конвенций, не возлагающих повинностей, законодательный почин, дела политического характера и т. п. Эти характерные черты правительственной деятельности подметила Чехословацкая конституция, назвавшая III главу «власть правительственная и исполнительная»*) и разделив эту главу на три отдела: «Президент Республики», «правительство» и «министерство и подчиненные административные органы».

Именно в таком понимании правительствующей власти один из самых замечательных государствоведов Франции первой четверти XX века, Ориу, отдает ей первенство в государстве. По Ориу, глава государства не президент, а президент, дополненный советом министров.

Эти, в нормальных условиях государственной жизни, вполне достаточные полномочия некоторыми демократическими конституциями еще расширяются предоставлением ей права, при известных условиях издавать чрезвычайные указы (décrets-lois, ordonnances de nécessité, Notverordnung; германская ст. 48, Чехословацкая пар. 54, Испанская ст. 80). Веймарская конституция предоставила это право президенту даже во время сессии рейхстага. И это право было в Германии широко использовано. Если в первые годы существования демократической Германии число чрезвычайных указов было невелико (в 1919 — 5; в 1920 — 22; в 1921 — 12; в 1922 — 6), то в последние годы это число чрезвычайно возросло (в 1931 — 43; в 1932 — 59). Как далеко отошли от представления о правительстве, как исполнительной власти, показывает ст. 61 испанской конституции 9 декабря 1931 г. По этой статье, парламент может предоставить правительству законодательствовать путем декретов по точно установленным парламентом предметам. При этом для издания этих декретов-законов не требуется, как это установлено для чрезвычайных указов, согласия постоянной парламентской депутации (ст. 80).

Однако, и такие широкие пределы власти правительства ныне признаются неудовлетворительными. В одних государствах, сохраняющих правовой строй, правительству даются как в годы европейской войны, чрезвычайные полномочия. В других устанавливаются диктаторские режимы. В иных диктатура маскируется представительными учреждениями, но сама закрепляется в конституции (Польская конституция 1935 г.). И все эти узурпации народных прав, как я уже говорил, об'ясняются противниками бессилием демократии и дополняются обвинениями ее в немощи создать сильную правительственную власть.

Так ли это? Почему десятилетиями удовлетворявшие пределы правительствующей власти оказываются узкими? Демократия ли тому причиной?

*) По русски мне кажется правильнее всего дать этой власти Петровское название — «Правительствующая». Этот термин я далее и употребляю.

III.

История и действительность дают нам примеры устойчивости и силы правительствующей власти во всех трех видах демократии: непосредственной — в Швейцарии, демократии с разделением властей (или президентской), осуществляемой в Соединенных Штатах Америки, и парламентарной — на родине образца парламентаризма, в Англии.

Швейцария никогда не числилась среди стран с частой сменой министерства, и мы привыкли уже к тому, что в течение многих лет Швейцарский союз в Лиге Наций представляет все тот же Мотта. Стойкость внутренней жизни Швейцарии удостоверяет блестящий ответ швейцарцев, отвергших на референдуме 8 сентября 1935 г. покушение противоестественного фронта (фашистов-католиков и «jeunesses de droite et de gauche») свалить самую демократическую конституцию и заменить ее какой то мешаниной, в которой восторжествовали бы реакционные идеи. Сила же правительства этой маленькой республики во внешних политических делах сказалась в капитуляции третьего Рейха перед требованием о возвращении похищенного с швейцарской территории германского эмигранта Бертольда Якоба.

«Эксперимент» Рузвельта мог быть применен и осуществлен только потому, что конституция С. Ш. С. А. обеспечивает президенту и его правительству по крайней мере четырехлетнюю устойчивость — срок, в течение которого президент может проводить свою программу в жизнь.

Английский парламентаризм, начавший было, с появлением «третьей» политической партии, давать перебои, так что мы были уже свидетелями в 1924 году кабинета меньшинства, восстановил свое равновесие путем уничтожения либеральной партии. И кабинет, по существу своему, консервативный, благополучно просуществовав более 4 лет, обеспечил свое существование на новую легислатуру.

Вглядимся же, какими путями и средствами достигается эта устойчивость, являющаяся в неменьшей, если не в большей степени, чем широкие полномочия, основой сильной, волевой правительствующей власти.

IV.

Мы не будем долго задерживаться на Швейцарии. В условиях швейцарской непосредственной демократии условиях, доселе неповторимых и несомненно неприемлемых для сколько нибудь крупного государства, министры (члены Союзного Совета т. е. совета министров), которым воспрещается состоять членами союзного (законодательного) собрания (ст. 77 констит.), избираются этим собранием на трехлетний срок (подобно нашим земским и городским управам). Союзный Совет, обладающий обычными для всякого правительства полномочиями (ст. 102 конст.), на практике действует по указаниям парламента.

Отсюда отсутствие кризисов правительства, продолжительность, часто превышающая легислатуру — ибо соотношение политических сил в парламенте мало меняется — пребывания министров в должности.

В Англии устойчивость и сила правительства, по мнению сэра Джона Саймона, обуславливаются тремя факторами.

Первый фактор: в Англии политические партии не так разбиты, как в других странах, и потому, раз министерство пользуется поддержкой большинства парламента, оно остается у власти в течение всей легислатуры.

«Двухпартийная система» (демократическая и республиканская партии) до сих пор господствует и в С. Ш. С. А. Все значение этих партий в политической жизни сказывается, как при выборах членов конгресса, так в особенности при избрании президента особыми выборщиками, в числе которых не могут быть ни члены конгресса, ни должностные лица.

Второй фактор устойчивости английского кабинета сэр Джон Саймон усматривает в том, что неблагоприятный вотум палаты общин, неожиданно последовавший, не сваливает министерства. В Англии правительство не ставит вопроса о доверии. Падение министерства происходит в том случае, если правительство разбито по вопросу капитальной важности, или если палата вотировала порицание кабинету после ответственных дебатов. Далее мы увидим последующую эволюцию этого фактора, обуславливающего устойчивость английского правительства.

В С. Ш. С. А. порядка парламентской ответственности не существует. Вся «исполнительная власть» принадлежит президенту, избираемому на 4 года с правом переизбрания. Правительство образуется президентом, перед которым министры (их всего 10), не имеющие права быть членами конгресса, только и ответственны. Но они, как и сам президент, политически ответственны, в особом порядке. (impeachement) по которому обвинительной властью является палата, а судом — Сенат. Сравнительно недавно, всем памятные, суждения министров С. Ш. С. А. и полузабытый случай предания в 1869 г. суду президента Джонсона, для осуждения которого не хватило всего одного голоса, показывают, что ответственность членов правительства С. Ш. С. А. не звук пустой. В силу начала разделения властей, министры не выступают перед законодательными палатами. Практика, однако установила обязанность министров являться в комиссии конгресса, давать об'яснения, выслушивать замечания и пожелания и к ним применяться. Практика эта повелась вследствие необходимости отстаивать от урезок бюджет. Американцы рассматривают эту практику, как взаимодействие разделенных властей. Так они смотрят и на непредусмотренный конституцией, но создавшийся на ее основании институт судебной поверки конституционности законов. Ст. 6 пар. 2 конституции признает ее верховным правилом государственной жизни. На этом основании суды и отказывают в применении к тому или иному делу законов, считаемых неконституционными. Сравнительно недавнее решение Верховного суда по поводу законов, изданных в связи с New Deal показывают всю силу и огромное значение института поверки конституционности законов.

Другое ограничение полномочий президента ставит сама конституция С. Ш. С. А. Ст. 11 отд. 2 пар. 2 предоставляет президенту: заключать договоры, если согласие на то дадут две трети присутствующих сенаторов, назначать, по совету и с согласия Сената, послов и посланников, судей Верховного суда и др. высших сановников Союза. Удовлетворительного об'яснения архаического этого правила конституции, столь нарушающего основной ее принцип — разделение властей — мы не находим в «Федералисте» (сборнике статей Гамильтона, Мадисона и Джона Джея — идеологов конституции С. Ш. С. А.) Дезавуирование Вильсона Сенатом, отказавшим в одобрении Версальского договора, составной частью которого являлось учреждение детища Вильсона — Лиги Наций, и недавний отказ Сената в утверждении в должности верховного прокурора — кандидата Рузвельта — свидетельствуют, какие путы в деятельности правительства представляют эти полномочия Сената.

За этими ограничениями, пределы власти президента и по конституции, и, в особенности, по уполномочию отдельных законов, настолько широки, что американский президент часто называется «самым могущественным человеком на свете».

Третий фактор устойчивости и силы правительства в Англии, по сэру Джону Саймону, состоит в том, что члены большинства парламента очень колеблются вотировать против правительства, потому что, если министерство падет, то есть вероятность, что премьер посоветует королю распустить палату, — соображение, которое во всех государствах (где, конечно, этот роспуск допускается) держит депутатов в «чувстве дисциплины, если не долга».

Американская конституция не предоставляет президенту права роспуска конгресса. Сенат и палата представителей, в силу начала разделения властей, в деле законодательства совершенно самостоятельны: они собираются на очередную сессию без созыва, по правилу в первый понедельник декабря (в экстренных случаях на чрезвычайную сессию могут быть созваны президентом), конгресс сам определяет перерывы, обычно кратких сессий и не может быть досрочно распущен. Инициатива законов принадлежит исключительно конгрессу. Законодательная полуинициатива президента, могущего особыми пожеланиями предлагать конгрессу рассмотрение тех или иных мер, до самых последних лет, по словам Ильберта, напоминала «громкий выстрел холостым патроном»: конгресс их заслушивал и... переходил к своим очередным делам. И для проведения нужных правительству проектов, ему прихо-

дится вступать в соглашения с членами конгресса, вносящими их от своего имени.

Но отказавшись предоставить президенту право «обращения к народу» при разногласии с конгрессом, ибо — учил «Федералист» — частое его употребление могло бы помешать устойчивости государственного управления и подвергнуть государственную машину потрясениям, конституция С. Ш. С. А. для осуществления идеи об ограничении всевластия законодательной власти, предоставляет президенту право суспензивного вето. Он имеет право возвратить конгрессу принятый законопроект со своими замечаниями и обязан его опубликовать, если при новом обсуждении поименным голосованием за законопроект выскажется 2/3 голосов каждой палаты. И этим правом американские президенты широко пользуются. К столетию конституции С. Ш. С. А. были опубликованы интересные данные о использовании права вето: из 433 случаев только 29 проектов получили требуемое повторное большинство. Суспензивное вето американского президента очень действительно.

V.

Тезисы сэра Джона Саймона об условиях устойчивости и силы английской правительствующей власти и сравнение этих условий с американскими требуют лишь немногих дополнений.

В политической жизни Англии имеется еще один фактор и, может быть, самый могучий, это — общественное мнение, сила которого в Англии исключительна и не превзойдена ни в какой стране. И этот фактор, всегда динамический, оказывает сильнейшее влияние и на парламент и на правительство. Вспомним свидетельство сэра Эдуарда Грея о том значении, которое общественное мнение сыграло во время вступления Англии в мировую войну.

По меткому замечанию одного государственного деятеля, парламент может так же легко, как закон о карантине перевозимых с континента собак, отменить Магна Харта 1225 г., если общественное мнение будет к тому расположено. И в Англии считается необходимым, чтобы кабинет, имеющий большинство в парламенте, шел на выборы, если возникает серьезный и важный вопрос, который не был поставлен в избирательной программе партии, давшей кабинет. С начала XX века смена кабинета происходит на общих выборах. Отступление кабинета Болдвина от данного в избирательной кампании 1935 года обещания — проводить вопрос об итало-эфиопской войне в порядке пакта Лиги Наций — вызвало под влиянием возмущенного общественного мнения небывалые еще политические последствия: отставку министра иностранных дел, по требованию премьера, и, в полном смысле этого слова, «покаяние» кабинета перед страной, принесенное премьером в заседании палаты общин.

Да и самая избирательная борьба и самые выборы в англо-саксонских странах имеют значение и носят характер совершенно иной, чем в других парламентарных государствах. Избирательная борьба ведется не вокруг партийных программ и известных «миросозерцаний», а по поводу совершенно определенных вопросов, подлежащих разрешению в предстоящей легислатуре (например в Англии: свободная торговля в 1905 г., социальное страхование в 1909 г., ограничение прав палаты лордов в 1911 г. и т. д.). И так как в Англии обычаем установлено, что лидер победившей на выборах партии назначается премьер-министром и образовывает правительство, то кабинет становится своеобразным видом народного представительства, получает от самого народа мандат на проведение известной политики при содействии и сотрудничестве с парламентским большинством под огнем критики «оппозиции его величества» и под контролем общественного мнения. Таким образом, можно, действительно, сказать, что в Англии народ «сам ставит власть над собой». Если такое становление власти» народом в Англии явилось в результате долгой эволюции политической жизни, то в С. Ш. С. А. такое образование правительствующей власти установлено, как мы видели, самой конституцией.

И это «становление власти» производится в англо-саксонских странах, по избирательной системе, не имеющей никакой претензии выразить в парламенте весь спектр политических взглядов, существующих в стране, а побуждающей разномыслящих об'единяться на том, что им обще. Эта система, с теоретической точки зрения, весьма несовершенная, заключает в себе, однако, интеграционную силу, ведущую к «двухпартийной системе». В Англии кабинет, таким образом образованный, твердо опирающийся на компактное большинство, тем самым обладает и всею мощью законодательства, тем «верховенством парламента», которое так красочно изобразил в свое время Дайси. Велика и указная власть кабинета, пользующагося полномочиями «положить на стол парламента» изданные указы (provisions), которые и получают законную силу, если в течение известного времени не будет пред'явлено требования приступить к обсуждению указа. Но это быват редко, как редко и отменяются указы: за 30 лет было отменено парламентами 30 указов из 1520, изданных по министерству внутренних дел. Еще реже, в действительно исключительных случаях кабинет решается издавать и незаконные чрезвычайные акты. В этих случаях он, позже, испрашивает «индемнитет».

VI.

Какия же заключения и какое поучение вытекает из только что сделанного очерка?

Первое это то, что правительствующая власть в демократическом государстве обладает вполне достаточными полномочиями и не в расширении их ее сила. Для устроения сильной правительствующей власти необходимо обеспечение ее устойчивости,

нужно возможно продолжительное время (легислатура) пребывания одного и того же кабинета у дел государственного правления. Время — один из величайших факторов в жизни человечества. А продолжительность пребывания у власти дает тот психологический фактор для властвования, который устраняет применение силы.

Второе заключение — образование правительствующей власти должно стать независимым от законодательных палат. В организации этих властей нужно проводить не подчинение, а равенство, необходимо осуществить начало демократии, которое обычно декларируется в первых статьях демократических конституций: «все власти исходят от народа», «власть всех органов исходит от народа» и т. п. Правительствующаяа власть поэтому должна основываться и организовываться на принципе народного мандата, а не делегации другой равноправной власти — законодательной. «Гениальная», «сверкающая» (fulgurante) мысль Монтескье «о разделении властей», как несколько восторженно выражается Ориу, должна быть неуклонно проводима в демократии, нёзависимо от её форм, ибо, как доказал тот же Ориу, идея, что принцип разделения властей не приложим к парламентарной демократии, есть простое бездоказательное утверждение.

Просмотр конституций убеждает в том влиянии, какое на государственное строительство, вопреки стараниям многочисленных государствоведов немецкого толка, имела теория Монтескье и в XX веке.

Но отсюда вытекает, с одной стороны, что при столкновении с законодательными палатами, правительствующая власть, основывающаяся на народном мандате, должна иметь полномочие «обращения к народу». Использование же права роспуска палат может, при обеспечиваемой только демократией политической свободе, повлечь и неполучение вновь «мандата», что гарантирует серьезное раздумье правительства и большую осторожность при принятии этого решения. С другой стороны, законодательные палаты, власть которых тоже исходит от народа, не могут быть лишены возможности выразить недоверие правительству. Но, как верно писал по этому поводу г. М. Александров: «Принцип народного мандата означает, что не может быть смен министерства без предшествующего или непосредственно последующего роспуска палаты. Палата можт «убить» правительство, только кончая в тот же момент «самоубийством». А такая постановка вопроса о праве выражать правительству недоверие (несколько видоизмененно приводившиеся уже слова сэра Джона Саймона) — будет всегда «держать депутатов в чувстве дисциплины, если не долга». Есть все основания полагать, что взаимодействие этих двух институтов в значительной мере устранит и частые министерские кризисы и частые роспуски законодательных палат.

Для установления взаимной сдержки и равновесия законодательной и правительствующей властей, а тем самым и для укрепления демократического режима, трудно найти возражения и против предоставления президенту республики права суспензивного вето, что предусматривают такие безукоризненные, с точки зрения выдержанного демократизма, конституции, как чехословацкая (кар. 47 и 48) и испанская (ст. 82 и 83).

Существенным в организации сильной правительствующей власти является, далее, вопрос о возможности сохранять депутатский мандат, занимая министерский пост. Опыт Англии, где, по обычаю, министр должен быть членом парламента, говорит в пользу положительного решения этого вопроса. Но не следует ли и к этому обычаю отнести слова П. Н. Милюкова, сказанные им по поводу английского монархизма: «Для этого надо было пережить всю английскую историю».

Не будет ли целесообразнее, связав народный мандат на образование правительствующей власти с избранием президента республики, воспретить, как мы видели в Швейцарии и в С. Ш. С. А., совместительство депутаского звания с министерським постом? Несомненно, такое решение вопроса будет способствовать очищению политической атмосферы в парламенте, в особенности во второй палате, которая, по резкому выражению одного из отцов французской конституции герцога Брогли «есть очаг соперничества, претензий и карьеризма».

Самое избрание президента республики, как мандатара народного должно, конечно, быть поставлено вне исключительного воздействия законодательных палат. Здесь может быть несколько систем и комбинаций: избрание особыми выборщиками (С. Ш. С. А.), выборы законодательной палатой в соединении с выборщиками, избираемыми в числе, равном числу депутатов (Испанская конституция ст. 18), выборы всеобщим голосованием (Веймарская конст. ст. 41).

Третье заключение, которое мы должны сделать из нашего очерка, это то, что сильнейшая правительствующая власть уверенно стоит и твердо действует при обеспечении и в стране и в парламенте ее устойчивости. К сплочению избирательного корпуса — в идеале к двум партиям — и должно стремиться демократическое государство. Но решение этого вопроса покоится главным образом в нравах. Юриспруденция и политика могут оказать, однако, и здесь известное влияние и помощь, а именно в борьбе с разлагающей и расшатывающей парламент системой пропорционального представительства.

Пропорциональная система передает все руководство избирательной кампанией, всю судьбу выборов в руки партийных комитетов. Именно, при ней получается «засилие комитетов». И любопытно, что за эту систему особенно держатся крайние партии, в которых так сильны заговорщические элементы. Система эта, далее, дает в парламенте массу партий и нужно всегда иметь пред глазами пример Германского рейхстага после выборов 1930 г.:

правительство имело большинство в 12 голосов, составленное из 11 партий.

Эти три заключения приводят к определенному выводу — поучению, что устройство сильной правительствующей власти — в средствах демократической государственности.

Чем же об'яснить своего рода эпидемию требований в парламентарных странах чрезвычайных полномочий для «исполнительной власти»?

VII.

Если вспомнить основания, которыми оправдывались эти требования и содержание чрезвычайных указов, издававшихся правительствами разных стран на основании полномочий, данных парламентами, то станет совершенно ясным, что не в сущности демократии, как известного философско - морального миросозерцания и не в формах демократической государственности лежат эти причины, а в пошатнувшемся экономическом строе и в беспримерной спекуляции международного банковского капитала. Это очень выразительно высказал Пьер Лаваль в речи по радио в конце ноября 1935 г. Он говорил, что его правительство было образовано ради защиты франка: на бирже была паника, в сберегательных кассах и в банках увеличивались требования о выдаче денег, франк должен был пасть под ударами спекуляции. Атаки все той же обнаглевшей спекуляции на бельгийский франк, на гульден вызвали получение чрезвычайных полномочий бельгийским и голландским правительством. В конце ноября в газетах появилась весть, что даже швейцарское правительство в представляемую парламенту финансовую программу включило предложение о предоставлении особых полномочий для защиты валюты. Из 500 лавалевских декретов - законов огромное большинство касается экономической области. Борьба со спекуляцией вызвала принятие ряда законодательных мер. Но издание их в общем законодательном порядке, требовавшем времени, при свете гласности, могло дать спекуляции много шансов. Были случаи опубликования, приготовленных в тайне, законов, декретов-законов накануне дня закрытия биржи, чтобы устранить возможность «биржевой калькуляции» и подрыва вновь изданных мер до начала их применения.

Все развитие демократии связано с капитализмом. Однако, XX век воочию показал, что, как говорил Вандервельде на собрании по случаю 50-летия социал - демократической бельгийской партии, «социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет. Без свобод, без демократии, без международного общения трудящихся социализму может быть нанесен лишь смертельный удар». Таким образом демократия может покрывать разные экономические строи.

В наше переходное время демократический строй совмещается с ветшающим капитализмом. Но недуги последнего нельзя и не должно переносить на первый. Недуги эти могут быть излечимы лишь проведением известной целостной социально - экономической программы, которая должна реформировать теперешнюю фазу капитализма. Но это уже задачи, которые вне вопроса о сильной власти и, вообще, вне форм демократической государственности. Они должны быть разработаны — да плодотворно только и могут быть разработаны в рамках демократического строя — политическими партиями, стоящими на позициях демократии, как для России это выполнило РДО, для Франции — радикал-социалисты, для Бельгии — де-Ман (см. № 3 «Нашего Слова» статью А. А. Александрова «Современные социальные искания»). И западно-европейские демократические партии должны спешить с разработкой этих планов экономической реконструкции, договорясь между собой о проведении их в законодательных учреждениях, дабы не повторилась обстановка, создавшаяся в свое время в Германии и Италии. Рядом с этим должны быть приняты меры к устойчивости и укреплению правительствующей власти, меры, как я старался показать, осуществимые.

А при силе правительствующей власти в демократии избегнется, по слову Ориу (стр. 390), и фашизм, и большевизм.

А. Лазаренко.

П. ГАВРИЛОВ - БУЯР

Строительство в советской России

Одной из существеннейших сторон хозяйственной жизни СССР является строительство в узком смысле этого слова, т. е. возведение сооружений, неразрывно и тесно связанных с тяжелой и легкой промышленностью, транспортом и жилищным вопросом.

За восемь лет индустриализации страны построены сотни крупных, десятки тысяч мелких и средних предприятий, проведены тысячи километров железных дорог, сооружены большие мосты, грандиозные плотины, Беломорско - Балтийский канал, строятся каналы : Волга - Москва и Волга - Дон, переоборудованы порты, проводятся шоссейные и грунтовые дороги. Развивается новое жилищное строительство как в старых, так и в новых промышленных центрах, где за эти годы выросли гиганты машиностроения, тракторостроения, черной металлургии и т. п. Появились новые многолюдные

города, как Магнитогорск, Кузнецк, Прокопьевск. Приступлено к выполнению грандиозного, рассчитанного на осуществление в десятилетний срок, плана полной реконструкции Москвы.

Это строительство требует громадного напряжения всех сил страны, огромных денежных средств. Отпускаемые на строительство суммы с каждым годом растут и в 1936 году достигли колоссальной цифры в 17 миллиардов рублей.

Строительство несомненно развивается, но развивается неэкономно и представляет собой одну из самых отсталых отраслей советского хозяйства.

Советские источники показывают нам, как из рук вон плохо ведется это строительство, как оно полно непорядков и недочетов, совершенно немыслимых ни в какой капиталистической стране.

Советское правительство отлично это сознает и из года в год требует коренной перестройки и улучшения системы организации строительных работ, но на деле все остается попрежнему и положение не изменяется к лучшему.

На последнем совещании по вопросам строительства и производства строительных материалов в Ц. К: В. К . П. в декабре прошлого года была нарисована потрясающая картина преступной растраты народных средств, пышно расцветших в советских хозяйственных органах бюрократизма, произвола, бесхозяйственности, бессметности, безотчетности, диспропорции, нецелесообразного использования строительных материалов и рабочей силы, низкой производительности труда, дороговизны, плохого качества и невыполнения в срок строительства.

Чем все это вызывается?

Начнем с вопроса о кадрах советских строителей — этих непосредственных, по выражению наркома пути Кагановича, «исполнителей величайшего плана в мировой истории, плана переустроения огромной, но отсталой страны, в страну передовую».

Прежде всего, бросается в глаза совершенно недостаточное для строительства подобного размаха количество опытных и знающих свое дело инженеров, способных к самостоятельной, конструктивной работе. В то время, когда в капиталистических странах количество инженеров, по отношению к количеству рабочих составляет около 5%, — в Советской России «насыщенность инженерами» равняется около 0,2 %, т. е. почти в 20 раз меньше.

Для разрешения проблемы кадров сов. власть широко применяет ускоренное обучение студентов в высших учебных заведениях, и так как средняя школа не в состоянии дать высшим техническим учебным заведениям требуемого властью количества абитуриентов, то некомплект их пополняется слушателями рабфаков, подготовительных отделений ВТУЗ'ов и техникумов, т. е. людьми по своей образовательной подготовке не всегда пригодными для слушания лекций специальных высших технических наук. Само обучение в ВТУЗ'ах поставлено так, что трудно считать лиц, окончивших их, людьми с законченным специальным образованием. Достаточно указать на то, что часть профессорских кафедр занята преподавателями с средним образованием, а в отдельных случаях даже с низшим образованием.

Само собой понятно, что создать огромную армию хороших инженеров в течение каких нибудь десяти лет невозможно, что эта задача требует интенсивной работы нескольких поколений. Если советскому правительству удается с каждым годом увеличивать число инженеров и добиться выпуска в 1935 году из ВТУЗ'ов около 25.000 человек, то качественный уровень их весьма низкий. Эти новые специалисты оказываются не на высоте современных технических знаний. Несмотря на это, их часто отправляют на ответственные и сложные постройки в качестве руководителей.

Недостаточная опытность инженерных кадров является одной из главных причин плохого качества строительства в СССР. На совещании строителей секретарь М. Г. Комитета Хрущев говорил о необходимости строить дешево, прочно, быстро и красиво. Советские строители этого выполнить не могут и они так плохо производят нужные расчеты, что дома либо обваливаются, либо, при огромной перестраховке на прочность, обходятся во много раз дороже, чем должно.

Затем, основой строительного дела являются проекты и сметы — ответственнейшие документы, без которых невозможно правильное ведение строительства. Еще до начала постройки, должны быть произведены все виды изысканий, топографические, геологические, и от полноты и качества последних зависит и стоимость строительства и выполнение его в срок. На советских стройках подготовительный период для составления проектов и смет, рабочих чертежей и изыскательных работ слишком краток, и часто строительство ведется даже при отсутствии указанных выше документов. Проекты составляются крайне схематично, часто остаются незаконченными и сплошь и рядом к тому же меняются в процессе стройки.

За последние годы наблюдалось некоторое уменьшение числа строек, необеспеченных утвержденными проектами и сметами и в 1934 г. их было около 600 на общую сумму в 4 миллиарда рублей, но к концу 1935 г. положение снова ухудшилось и превысило 1300.

В 1934 г. правительство издало специальный закон «о прекращении беспроектного и бессметного строительства», в 1935 г. требовало «радикального улучшения проектно - сметных документов и улучшения работы основных проектных организаций Союза», а в 1936 г. мы снова читаем в постановлении ВЦИК'а о том, что нужно« решительно улучшить проектно-сметное дело, неупорядоченность которого до сих пор не только приводила к непроизводительным затратам и удорожанию строительства, но и ослабляла его темпы».

Несмотря на это, со стороны сов. инженеров продолжается попрежнему полное пренебрежение к сметам: одна смета составляется для банка, который без сметы не отпустит денег, другая — для работы. Проекты подгоняются к указанной правительством стоимости, сознательно не указывается ряд работ, а впоследствии оказывается перерасход. С другой стороны, очень часты случаи представления явно преувеличенных расчетов.

Не имея точного расчета, строители часто делают заготовку строительных материалов наугад и это влечет нехватку их, влекущую приостановку работ, а иногда получаются огромные излишки, в которых так нуждаются другие стройки.

Так, в частности, дело обстоит и с железнодорожным строительством. Здесь проектирование должно начинаться с изыскательных работ на месте, исследования рельефа местности, воды, геологических особенностей и т. п., учет которых является основой будущего проектирования. Сов. строители этим факторам не оказывают должного внимания. Изыскатели часто ведут работу, не имея заранее данного им четкого задания, остаются, несмотря на отсутствие нужного опыта и достаточных знаний, без надлежащего руководства, и результатом этого являются недоброкачественные проекты и сметы. Их часто, из за дефектов при изысканиях, приходится менять уже в процессе строительных работ. Кроме того, каждая проектная организация делает все проекты заново, не используя ни архивов, ни сделанных ранее расчетов и это вызывает лишние расходы. Чрезвычайно слабо развита типизация строительства.

Составление планов, смет и чертежей в центральных проектных организациях (в Москве, Ленинграде, Харькове и т. п.), оторванных от реальной обстановки и местных условий, приводит к тому, что эти проекты на месте построек часто оказываются вовсе непригодными.

Производитель работ строительства бумажного комбината Прозоров говорит: «Проектные организации не дают хороших чертежей и проектов. В результате мы вынуждены переделывать их по несколько раз. Если мы будем строить здание на основании первоначальных проектов, то это здание развалится или не выдержит то оборудование, которое запроектировано».

Разрыв между сметной и фактической стоимостью строительства имеет место почти на всех стройках. Частое изменение производственных заданий, низкое качество проектирования и плохая организация работ приводят к тому, что установленные планом «сроки ввода в эксплоатацию не выдерживаются, строительство страшно удорожается и значительное количество построек переходит из года в год незаконченными».

Возьмем, например, строительство шадринской электростанции. При составлении проектов не были произведены достаточные изыскания. Площадка для станции выбрана неправильно; это заставило производить большие расходы на сооружение водозаборного устройства и под'ездного железнодорожного пути. Организованное плохо и безхозяйственно строительство этой станции, начатое еще в 1931 году, до сих пор не закончено. Все время требуется дополнительный отпуск денег и в результате стоимость его будет почти в 2 раза больше сметной, вместо 3,5 миллиардов обойдется в 6 миллиардов. Постройка электростанции Волховстрой продолжаалась 6 лет и обошлась почти в 4 раза выше сметной. В Ярославле один стандартный дом строят второй год и вместо 40 тыс. по смете на него уже израсходовано 84 тыс. и, чтобы достроить его, нужны еще 23 тыс. рублей.

Не менее важным для удешевления строительства является правильная организация строительных работ, состоящая в расчленении производственного процесса на ряд простейших операций, поручаемых разным лицам. В Сов. России и это поставлено плохо, и несмотря на острый недостаток квалифицированных рабочих, замечается неправильное использование их на вспомогательных работах, могущих быть выполненными неквалифицированными рабочими.

При невысокой технике и слабой механизации работ для приобретения специальных навыков и выучки от рабочих рук требуется продолжительная профессиональная тренировка. Чтобы восполнить этот пробел, власть приступила к созданию квалифицированной рабочей силы путем ускоренной подготовки на специальных курсах.

В настоящее время сов. власть решила покончить с таким положением, когда десятник, проработав добросовестно полгода, получал возможность, бросив работу, продвинуться выше по социальной лестнице, поступить в Рабочий техникум и далее. Это приводило к тому, что не оказывалось ни хороших опытных десятников, ни грамотных техников. Теперь десятники могут расчитывать на повышение по истечении минимум 5 лет работы в определенной отрасли.

Далее следует отметить в сов. строительстве недостаточную механизацию и использование, как больших и сложных машин, так и простейших приспособлений, что влечет затрату дополнительной рабочей силы примерно в 10-15 % от общего количества рабочих.

Сопротивление строителей попыткам применения новых механизмов вызывается, как отсутствием нужных для их обслуживания кадров, так и общей неорганизованностью. Бездействующие и плохо работающие механизмы являются лишь помехой, создают неприятности и усложняют строительную деятельность, не давая ожидаемых результатов. Поэтому строители предпочитают поставить 200 землекопов и 100 конновозчиков, чем организовать работу элеватора, и последний используется

обыкновенно только на 10-20 %, максимально на 30 %.

За последние три года количество строительных рабочих стабилизировалось на цифре около 2 миллионов, цифре, которая была бы чрезмерно велика при капиталистическом способе ведения строительства. Как указывает Гинзбург, «количество рабочей силы на наших стройках в 4 раза больше, чем на стройках С. А. С. Америки».

С освоением новой техники в строительстве, с повышением качества руководства, с созданием постоянных кадров рабочих и с повышением производительности труда, сов. правительство рассчитывает количественно сократить рабочую силу на стройках, но до сих пор эти плановые задания не осуществлялись, и мы наблюдаем, наоборот, даже увеличение общего числа рабочих.

Создание постоянных кадров тесно связано с вопросом улучшения условий жизни и быта рабочих, но последнее упирается в существующую систему сов. хозяйства и в итоге мы наблюдаем невероятную текучесть рабочей силы. Чтобы судить о размерах этой текучести, достаточно привести слова генерального докладчика на совещании строителей Межлаука: «За 9 месяцев текущего года (1935) на наших стройках 175 % к списочному числу строительных рабочих пришли и 172 % ушли. Это ведь настоящий проходной двор».

Условия жизни рабочих нередко крайне неудовлетворительны. На стройках рабочие большею частью живут в бараках, землянках и шалашах. «Большинство рабочих поселков не имеет не только прачешных и бань, но и страдает от недостатка питьевой воды. Дома холодны, сыры и не имеют элементарных удобств». Рабочие не обеспечены горячей пищей. Если к этому прибавить полуголодное существование, то станет понятным, что такие условия жизни, несмотря на существующие декреты о прикреплении рабочих к предприятиям, не могут удержать рабочих, и они либо перекочевывают из одного места в другое в поисках лучшей жизни, либо стараются обосноваться на вновь пущенных фабриках и заводах, где условия жизни относительно лучше.

Весьма важным вопросом, связанным с организацией строительства, является также современная подготовка и доставка строительных материалов. Для широкого размаха строительства не оказалось достаточного количества необходимых специализированных предприятий строительной индустрии, т. е. заводов, изготовляющих детали зданий: железо-бетонных изделий, строительных деталей из дерева, частей для металлических конструкций, отделочных материалов, как стекло, искусственный мрамор, керамиковые плиты, карнизы и т. п., а также недостаточное количество кирпичных, цементных, лесопильных заводов и карьеров.

Отсутствие нужных строительных материалов вызывает удорожание и затягивание строительства. Руководители строительной площадки оказываются вынужденными организовывать подсобные и вспомогательные производства материалов и полуфабрикатов на собственных предприятиях, чтобы восполнить разрыв и неувязку между об'емом работ и материальным снабжением. Каждое строительство, не рассчитывая на получение извне, старается, хотя бы кустарно и дорого, изготовить у себя максимум изделий.

Заводы, изготовляющие железные конструкции делают их так дорого и так затягивают сдачу, что для построек зачастую более выгодно создать свои полукустарные мастерские. «Мелкую аппаратуру, необходимую для строительных работ, скобяные товары, приборы для отопления, водоснабжения и т. п. трудно достать, и стройки сами берутся за приготовление этих деталей, хотя они обходятся во много раз дороже», читаем мы в сов. печати.

Нужно указать также и на весьма плохую организацию снабжения. «Подают — не туда, куда надо, а часто и разворовывают» — говорит Каганович».

Эти коренные недостатки в строительстве особенно подчеркивались на последнем совещании строителей.

Необходимым условием снижения себестоимости является более высокая производительность труда. По намеченному плану второй пятилетки «производительность труда по темпу своего роста должна идти впереди заработной платы». Однако, практика оказалась значительно хуже даже скромных предположений. В среднем за 1935 год выработка в день на человека на постройках составляла около 25 рублей — цифра чрезвычайно низкая.

Нужно сказать, что последнее время для повышения производительности труда была введена сдельщина, аккордная оплата труда, система премий. Первые же попытки заинтересовать материально рабочего дали сразу хорошие результаты.

Как только «ликвидировали бригады и ввели индивидуальную сдельщину на строительных работах, так немедленно получился огромный скачек в производительности труда; единственным стимулом для поднятия производительности труда является правильная организация заработной платы, где полностью уничтожается система уравнительной дележки», — говорит начальник Макеевского строительства Мамишвили на совещании строителей.

Решающую роль в производительности труда и вытекающем отсюда понижении себестоимости строительства играет «освоение техники» и правильное руководство работами, о чем уже говорилось выше, но не менее важным является и мелкая механизация и простейшие рационализаторские приемы в работах. Как можно ожидать высокой производительности труда при отсутствии, например, кусачек, ключей для гнутья железно-бетонной арматуры, ко-

торую приходится гнуть вручную, при никуда негодных ножовках, топорах, ватерпасах...

Удорожанию строительства также значительно способствует высокая стоимость стройматериалов. Нередко сейчас местный песок и гравий стоит дороже привозного Новороссийского цемента.

После целого ряда повышений себестоимости в 1934 г. наметился некоторый весьма незначительный перелом в сторону снижения, но экономия от этого снижения в 1935 г. вместе запроектированных 2-х с лишним миллиардов получена всего в сумме около 200 милилонов, т. е. лишь 10 % планового задания.

Большим злом сов. строительства является невыполнение в срок строительной программы. Целый ряд построек из года в год нарушает установленные планом сроки.

Советские строители строят не только дорого, но и плохо.

«Вновь выстроенные поселки и отдельные дома, как правило, с первых же дней нуждаются в ремонте. В них холодно, сыро, помещения неудобны, не учтены самые элементарные интересы жильцов». (см. журнал «Жилищная кооперация», № 8, 1934 г.).

Из выступлений на пленуме Совета Центржилсоюза в конце 1934 г. выяснилось, что ряд только что выстроенных в Москве и Ленинграде домов крайне низкого качества и их пришлось заново переделывать. В Ярославле в некоторых стандартных домах к тому времени, когда их нужно было штукатурить, дерево подгнило, лестничные клетки расшатались, оконные переплеты перекосились.

В Иванове новые стандартные дома, после постройки и вселения в них жильцов, развалились. В «Доме научных работников», в который только что в'ехали жильцы, штукатурка начала обсыпаться со стен и потолков. Лесопильный цех Ленинградского древоотделочного завода построен из такого материала, что его стены разваливаются и стоят только при помощи подпорок.

Наркомтяжпром Орджоникидзе отмечал: «Отделка квартир дрянь. Двери не так поставлены, штукатурка плохая, оконные рамы перекошены, стекло плохое, и т. д. Достаточно по двери стукнуть кулаком и кулак проскочит через дверь».

Теперь скажем несколько слов о жилищно-коммунальном строительстве, которое явно не поспевает за быстрым темпом индустриализации. Особенная острота жилищного вопроса чувствуется в больших городах и крупных строительных центрах. Размеры жилищной площади, приходящейся на одного человека, с каждым годом все уменьшаются. Число семей в СССР приблизительно в полтора раза больше числа занятых квартир. а в больших городах на одну квартиру приходится по 2-3 семьи.

По исчислениям Госплана в 1928 г., чтобы обеспечить в последующие пять лет городское и фабрично - поселковое население минимальной нормой жилища, было необходимо возвести около 100 миллионов квадратных метров жилой площади. Однако, планы эти, по недостатку средств, выполнены не были.

Жилищный голод вынудил даже правительство отступить от основных принципов полного государственного регулирования жилищной политики и предоставить осуществление жилищного строительства не только советам, кооперации, но и частным лицам на началах личной собственности.

Жилищно - коммунальное строительство плохо и в качественном отношении. Недопустимо велики потери в распределительных электросетях, плохо используется подвижной состав трамваев,, наблюдаются большие потери воды в водопроводной сети и т. п. Себестоимость коммунальной продукции чрезвычайно высока и стоимость коммунальных услуг растет с каждым годом.

Остановимся бегло на внешнем и внутреннем архитектурном оформлении и стиле новых построек в СССР.

Удобство и гигиеничность жилищ в высокой степени зависит от правильного и умелого планирования квартир, учета и использования всех возможностей. В Сов. России в вновь построенных домах можно часто встретить комнаты с пятью и более углами, без кухонь, с длиннейшими корридорами, неудобными лестницами, низкими потолками. В этом сказываются «левацкие загибы» архитекторов, отвергающих, как буржуазную выдумку, все те удобства, какие были выработаны многолетним опытом старой архитектуры

Упрощенный до предела, безобразный, унылый, с голым фасадом, коробочный стиль, появившийся заграницей, как протест против чрезмерного и дорогого увлечения загромождающими здания архитектурными украшениями и заграницей почти не нашедший себе никакого применения, пришелся по душе молодым советским архитекторам. Они успели понастроить не мало безобразных бетонных коробок, но в настоящее время положение изменилось и сейчас наблюдается отход от такого архитектуркого упрощенчества. Начинаются поиски красивых линий, правильных пропорций, применение горизонтальных и вертикальных членений, дающих выразительность поверхности и удачные светотени; намечается возврат к классическим формам и стилям.

Посмотрим теперь, как отразилось на строительстве знаменитое стахановское движение.

Это движение направлено на повышение производительности труда, на пересмотр норм, не повышавшихся с 1931 года.

Нужно было на деле показать, что эти нормы могут быть перевыполнены при условии изменения существующей организации труда и при надлежащем руководстве и материальной заинтересованности рабочих. В предприятиях были организованы работы на определенных маленьких участках, где было сосредоточено все внимание и все возможные средства, и там лучшие опытные рабочие в идеальных

условиях, действительно, добились блестящих результатов в достижении высокой производительности труда, значительно превысив существующие низкие нормы выработки.

Но нельзя придавать большого значения тем цифрам, которые мы находим в сов. прессе.

Как может серьезно говорить с трибуны лицо, входящее в правительство, о достижении стахановцев, указывая на фантастическую цифру 26.000 кирпичей, уложенных каменщиком Астафьевым, за один рабочий день. Ведь 8 рабочих часов составляют 28.000 секунд. Получается, что на укладку одного кирпича с прокладкой скрепляющего раствора с правильными швами и проверкой по вертикальному отвесу и по прямой горизонтальной линии затрачивается всего около одной секунды. Не надо быть специалистом, чтобы судить об абсурдности приводимой цифры.

В заключение нужно отметить, что правительство и партия в своем последнем постановлении об улучшении и удешевлении строительства требуют в 1936 году коренного изменения методов ведения строительных работ и перехода на начала рационального ведения хозяйства. Для осуществления общестроительных, жилищных и специальных работ создаются строительные конторы, вводится подрядный способ строительства, который «даст возможность обеспечить создание и полное использование мощной строительной техники, сплочение постоянных квалифицированных кадров и ведение всех строительных работ индустриальными методами» — говорится в постановлении.

«При выполнении строительных работ подрядным образом на каждой площадке должен быть один генеральный подрядчик, ведущий работы, который заключает с заказчиком договор подряда, который ответственен перед заказчиком за выполнение об'ема работ в соответствии с утвержденными проектами и сметами в предусмотренный срок».

В области заработной платы особое значение придается прогрессивно - сдельной оплате труда. По плану сов. власти она должна стать мощным стимулом, способствующим повышению производительности труда и устранению текучести рабочей силы. Для упорядочения сметно - проектного дела и финансового хозяйства устанавливается «выдача банками средств на строительства, ведущиеся подрядным способом, по счетам, составленным на основании актов приемки выполняемых работ и акцептированных заказчиком. Счета должны составляться в ценах сметы к техническому проекту».

Вот те вехи, по которым сов. власть собирается ныне выбраться из хозяйственного хаоса на путь капиталистических методов ведения хозяйства.

П. Гаврилов-Буяр.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания:

17 января 1936 года. — Совместное закрытое заседание РДО и р-д. группы партии Народной Свободы с докладом **П. Н. Милюкова** «Пражские впечатления».

28 января — Доклад **П. Н. Милюкова** — «Европа, Россия и эмиграция».

4 февраля — Доклад **А. Ю. Раппопорта** — «Разложение большевизма».

18 февраля — Закрытый доклад **Л. М. Неманова** — «Современное международное положение»

25 февраля — Доклады **П. Н. Милюкова** и **К. М. Шумского** — «Франко - советский пакт».

6 марта — Доклад **П. Ф. Гаврилова-Буяра** — «Строительство в сов. России».

14 и 17 марта — Доклады **Б. Л. Дудкина** — «Партия, хозяйство и быт по сов. газетам за последнее время».

28 марта — Доклады **П. Н. Милюкова, А. П. Лукина** и **К. М. Шумского** — «Угроза войны».

18 апреля — Доклад **А. П. Петрова** — «Экономическая программа для России».

28 апреля — Доклад **Г. С. Куртилина** — «Экономическое положение в Германии».

БЕЛЬФОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБ'ЕДИНЕНИЯ

(К 10-летнему юбилею его существования)

В 1925 году в Бельфоре (Франция) образовалась довольно многочисленная русская колония из бывших участников белых армий. Подавляющее большинство русских было по настроению реакционным, об'единенным в мощный Обще-Воинский Союз, принадлежность к которому считалась доказательством патриотизма: то была эпоха ожидания весеннего приказа о походе, «жизни на полу-собранных чемоданах». В этой обстановке махровой реакции и нетерпимости ко всякому инакомыслящему наш-

лось несколько человек, открыто порвавших с Белой мечтой и решивших искать новых путей борьбы за освобождение России. У этих смельчаков мало по малу выкристаллизовалась мысль о необходимости создания политической организации на демократических принципах. В начале 1926 г. К. Т. Заговорчев (впоследствии — первый председатель Бельфорского отделения), И. Е. Ачкеев (ныне здравствующий Председатель Б. О.), С. А. Лакодей и С. В. Михайлов образовали инициативную группу, которая не замедлила войти в сношения с центральным Правлением РДО, при содействии коего (и в особенности В. В. Попова) было осуществлено сформирование Отделения РДО в Бельфоре.

28 марта марта 1926 года состоялось организационное собрание, постановившее открыть «Бельфорское Отделение Республиканско - Демократического Об'единения», насчитывающее ныне 10 лет своего существоавния. Естественно, что новая организация была встречена враждебно и первые годы ее существования прошли в тяжелой атмосфере. Не взирая на вражду, клевету, р-д-ки спокойно и с достоинством продолжали начатое ими дело, веря в правильность избранного ими пути. Такое поведение не смогло не произвести импонирующего впечатления на колонию, в результате чего ни одно важное общественное начинание не обходилось без приглашения РДО к участию в нем.

Разочарования среди сторонников «белой мечты», сказывавшиеся все более и более по мере того, как надежды на скорый поход на Россию все уменьшались — не смогли не сказаться на перемене отношений местной колонии к р-д-кам. Наступивший во Франции экономический кризис привел к постоянному сотрудничеству местных организаций: при деятельном участии РДО — образовался Комитет помощи безработным. В настоящее время у Бельфорского Отделения есть еще враги, но число их и удельный вес совершенно ничтожны.

Считая, что распространение республиканско-демократических идей связано с повышением культурного уровня, Бельфорским отделением был устроен за 10 лет существования ряд лекций - докладов, как открытых (привлекавших порой многочисленную публику), так и закрытых. С этой целью были организованы курсы черчения (открытые не только для членов РДО, но и для всех желающих) и библиотека (в мае 1926 г. купили несколько десятков книг и тем положили начало теперешней библиотеке, насчитывающей в настоящее время более 1000 томов. Взносами на покупку книг, помощью Центрального Правления и пожертвованиями читателей создалась самая большая в районе библиотека).

Ничто не может лучше характеризовать положение РДО в Бельфоре, как сравнение отношения к нему при его возникновении и теперь: 10 лет тому назад Бельфорское отделение находилось в атмосфере враждебности, ныне — это место занято (и очень крепко) его политическим противником, а р-д-ки вошли в жизнь колонии и пользуются уважением и сочувствием.

Своим десятилетним существованием и успехом Бельфорское отделение подтвердило известное, но не всеми в достаточной мере оцениваемое, положение: уверенность в правоте идеи дает организации стойкость и жизненность.

А. Дмитриев, секретарь Б. О.РДО

В виду недостатка места, статья Н. Н. НИКОЛАЕВА — «Русская эмиграция в Нью-Иорке» будет напечатана в следующем номере.

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel **Métro Beaugrenelle**

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО В. В. Попову
35, rue Jacob, Paris (6)

ПРОДАЖА «НАШЕГО СЛОВА»

в Париже: в Библиотеке РДО, редакции «Последних Новостей» и у ген. представителя изданий РДО — в кн. магазине «Дом Книги» **9, rue de l'Eperon - Paris (6)**

в Варшаве: у А. П. Вельмина, **Warszawa, Marszalkowska 68 m. 4.**

в Праге: у Д. И. Мейснера, **Praha. Dejvice, Podbabska tr. c. p. 1593 «Vlastnl Dilo» byt. 27.**

в Харбине: в кн. магазине «Русь» М. Зайцева, Конная ул. 34.

в Нью-Иорке: у Н. Николаева — **1067 — Park Av.**

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:
